

✱ ЛУЧШЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ✱

✠
ВОРОВСКОЙ РОМАН

МИХАИЛ СЕРЕГИН

[ЛОВУШКА ДЛЯ ВОРА]

Михаил Серегин
Ловушка для вора

«ЭКСМО»

2013

Серегин М. Г.

Ловушка для вора / М. Г. Серегин — «Эксмо», 2013

Его использовали втемную, загнали в ловушку, где ему только и остается, что выполнять приказы неведомых хозяев. Но он – русский вор, которого не так-то легко обвести вокруг пальца, он сам привык определять свою судьбу. Он вырвется из ловушки. Для него главное – узнать, кто вынудил его принять чужие для него правила игры. А затем он будет играть с ними уже по своим правилам... Ранее книга выходила под названием «Жиган».

© Серегин М. Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Серегин

Ловушка для вора

Глава 1

Человек в черной кожаной кепке вынырнул из-за бетонной плиты с иззубренными краями, и тотчас пуля сбила кепку, обнажив бритую голову. Человек чертыхнулся, и вторая пуля ударила в бетонную плиту, взвизгнув, отскочила, оставив после себя белую выщербинку и фонтанчик медленно оседающей мельчайшей пыли.

Человек хотел было нырнуть обратно в свое укрытие, но третья пуля, прилетев из черного пространства южной ночи, разнесла на куски бритую голову.

Человек рухнул навзничь, и другой, мгновенно появившийся рядом с ним, яростно оскалась, вскинул автомат и дал длинную очередь туда, откуда прилетела последняя смертельная пуля. Потом прислушался к затихающему воплю, удовлетворенно кивнул и, послав несколько одиночных выстрелов, повернулся и, пригибаясь, побежал к стоящему в отдалении большому черному джипу.

Когда до джипа оставалось всего метра два, взревел мотор. Джип медленно тронулся с места. Бежавший обернулся, видимо, чтобы дать напоследок еще одну автоматную очередь, но прорезавший темноту свист заставил его настороженно замереть.

В полусотне метров от джипа и человека рядом с ним маячили какие-то неясные тени. Два... три... четыре человека, низко согнувшись, бежали к джипу. Человек рядом с джипом застрочил из своего автомата, стараясь положить на землю приближающихся, но его внимание отвлек странный округлый предмет, тяжело ухнувший в трех шагах от него.

Человек наклонился, чтобы посмотреть – что это со свистом прилетело к нему из темноты? А увидев, вскрикнул и рванул с места.

И не успел.

Граната взорвалась, едва он сделал несколько шагов. Человек, так и не выпустивший из рук свой автомат, взлетел в воздух над снопом ярко-оранжевого пламени, пролетел не меньше десяти метров по воздуху и шлепнулся на грязную, пропитанную весенней водой землю.

Джип – к моменту, когда рванула граната, отъехавший на порядочное расстояние, – не пострадал. Только треснули и посыпались покрытые затемнителем стекла со стороны полыхающего пламени на месте взрыва.

В огненных отблесках мелькнуло бледное женское лицо, спрятанное в глубине салона джипа, и в воздух взвился отчаянно-жалобный женский крик. Джип со своей пленницей, набирая скорость, покатиł с места перестрелки. Четверо вооруженных людей, уже добежавших до полыхающего из неглубокой воронки пламени, в растерянности остановились. Их машины стояли в сотне метров отсюда. Они не успели бы догнать почти скрывшийся в ночном мраке джип.

Четверо, непрерывно стреляя, побежали за джипом. Но пешим ходом догнать мощный автомобиль, неизвестно куда увозивший несчастную пленницу, было невозможно. Один из четверки вооруженных людей опустился на колени и прицелился, но другой, очевидно, главный в группе, тут же ударил его ногой, выбив из рук автомат.

– Охренел, что ли, Семен?! – заорал поднимающийся с земли обезоруженный. – Я его на прицел взял!

– Придунок! – закричал в ответ срывающимся голосом Семен. – Лиля в машине – ты что, забыл? Ты ее мог зацепить!

– Так я по колесам!

Тот снова потянулся к автомату, но Семен наступил на автомат обутой в тяжелый армейский ботинок ногой.

– Нельзя! – хрипло проговорил Семен. – Эти уроды похитили Лилю, но, судя по всему, кончать ее не собираются... А ты своей пукалкой мог бензобак прошить – джип на воздух бы взлетел... Ты бы тогда Лилю по кускам собирал на этом пустыре? Ты бы тогда, Мерин, перед Седым отчитывался за ее смерть?!

Мерин убрал руки от автомата и, медленно отряхиваясь, поднялся.

– Что же делать? – негромко спросил он.

Семен промолчал, а кто-то из его людей сплюнул злобно в сторону и проговорил:

– Упустили... Теперь и нам головы не сносить...

Семен думал о чем-то, молчали и его подчиненные и, конечно, не могли видеть из-за крошечной южной ночной темноты, как зашевелился в луже крови искалеченный взрывом человек. Он поднял голову и сквозь кровавый туман разглядел стоящих неподалеку от него людей. Он дотянулся до лежащего рядом с ним автомата и тихо передернул затвор.

Потом прислушался к еще теплящейся внутри него жизни и понял, что часы его на этой земле сочтены. Тогда он поднял автомат, вытянул его на прыгающих из-за предсмертной дрожи руках и, почти не прицеливаясь, дал две короткие очереди.

Стоящий рядом с Семеном Мерин всплеснул руками, коротко вскрикнул и упал на колени, сжимая пробитую сразу несколькими пулями голову. Сам Семен и двое его людей бросились на землю. Искалеченный с огромным трудом, скрипя зубами, поднялся на колени и, сплюнув розовую пену, огляделся.

И никого не увидел.

Он снова вскинул автомат, но тут в поле его зрения мелькнуло перекошенное от злобы лицо Семена и черное дуло пистолета.

Семен успел выстрелить первым. Искалеченный уронил автомат и прижал ладони к груди, удивленно глядя, как кровь толчками забила из пулевого отверстия над левым соском. Выстрелов, последовавших за первым, он уже не слышал, неуклюже заваливаясь на бок и помутневшими глазами видя то, чего никому из живых никогда не удавалось увидеть.

* * *

– Упустили, падлы, – сипло произнес немолодой уже, но еще крепкий и жилистый мужчина и уронил на грудь коротко стриженную седовласую большую голову.

– Прости, Седой, – развел руками Семен, – ничего сделать было нельзя. Они двоих наших положили – Мерина и Сашу-литовца. Петя Злой ранен. – Он указал на стоящего позади него парня, бережно держащего руку на перевязи, словно грудного младенца. – Мы, как ты нам и приказывал, поехали Лильку забирать, спешили изо всех сил, но все равно опоздали. Они уже увезли Лильку. Нагнали тот джип на пустыре за городом, шмалять стали, хотели окружить, но у тех уродов автоматы были, да и бойцы они оказались реальные. Ушли. Мы двоих только завалили... Конечно, можно было сделать так, чтобы все они там кровью захлебнулись, но по джипу мы не стреляли – боялись Лильку зацепить.

Свою кличку Володя Седой получил лет сорок назад, когда был еще молодым парнем. Тогда он мотал свой третий срок в колонии общего режима под крохотным городком Марксом в Саратовской области. Как раз в то время в колонии вспыхнула настоящая война между воровскими мастьями, и после очередной резни, когда в ход пошли самодельные и сапожные ножи и заточенные консервные банки – оружие, страшное тем, что оставляет рваные, глубокие и долго не заживающие раны, – после короткой, но отчаянно яростной драки, в результате которой от отряда в двадцать человек осталось не больше пятнадцати, Володьку и еще троих отволокли в ШИЗО, где и забыли без тепла, воды и пищи на целых две недели новогодних

праздников. Из четверых эков, в числе которых был и Володька, один оказался из враждебного стана. За оплошность неосмотрительной администрации, без разбора рассовавшей враждующих по камерам штрафного изолятора, бедняга поплатился жизнью – его задушили в первые несколько минут. А потом, как рассказывал Седой спустя много лет, все две недели трое оставшихся в живых просидели рядом с окоченевшим трупом, в какие-то минуты даже завидя ему. И когда трое сокамерников – на исходе двух недель – начали понимать, что пришло время употребить в пищу то, что есть рядом, чтобы скованный смертельным холодом организм получил хоть какое-то топливо, Седой стал становиться седым. После он говорил, что посидел за три последних дня в камере смерти, когда с голодным вождением стал посматривать на оскалившееся мертвое лицо, но вполне возможно, что это было не так. Впрочем, спросить теперь не у кого – те двое, что доходили вместе с Седым, скончались спустя несколько часов после того, как проспавшиеся после многодневной пьянки надзиратели выволокли из камеры иссохшие тела...

* * *

– Кретины, – не поднимая головы, пробормотал Седой, словно забыв, что, кроме него, в этой маленькой, сплошь уставленной антикварной мебелью комнатке находятся еще три человека, – Лилька ведь для меня – это... Я без Лильки...

Опомнившись, он тряхнул головой и выпрямился.

Семен, стараясь не смотреть ему в глаза, заложил руки в карманы и угрюмо глядел себе под ноги.

– Идите, – глухо выговорил Седой, – я подумаю, что делать дальше. И вас позову. Но всем пацанам передайте – если кто-то что-то вдруг узнает, немедленно ко мне. Понятно? Хоть малейшие сведения если появятся – я должен знать о них первым.

– Понятно, – сказал Семен.

– Понятно, – голосами, слившимися в один, проговорили двое его подчиненных.

Седой снова опустил свою точно опутанную серебристой паутиной голову и до боли закусил губу.

Они вышли на улицу и закурили.

– Непонятно, – щурясь от яркого весеннего солнца, сказал тот, кого звали Петя Злой, – чего это наш шеф так расстраивается из-за телки? Ну, украли ее у него, чего переживать? Найдет новую. Хоть Седой и старик почти, но бабок у него немерено. А телки, как известно, клюют не на член главным образом, а на тугой кошелек. Скажи, Филин!

Семен смотрел в сторону, молча глотая табачный дым.

– Ага, – проговорил третий парень – долговязый верзила с кустистыми, как у лесного филина, бровями, – даже байка такая есть про культуриста и дедка...

– Какая это? – заинтересовался Петя Злой.

– Ну... в сауне парятся культурист раскачанный и дедок из крутых, – начал рассказывать верзила Филин. – А дедок культуристу и говорит – чего это у тебя живот такой бугристый? А тот отвечает: это не живот бугристый, а пресс. Дед спрашивает: что такое пресс? Культурист – тык-мык... не может объяснить... Говорит, короче, пресс – это такая штука, на которую телки клюют... Ну, попарились они, выходят из сауны. Качок смотрит – дедку подгоняют реальный «мерс», вокруг двадцать человек охраны, в «мерсе» двадцать обалденных полуголых телок... У качка фары от изумления до пупка висят. Дедок в «мерс» садится, опускает стекло, просовывает руку, а в руке бумажник с зелеными... И орет обалдевшему качку: вот это видел? Вот это – пресс! На него телки клюют. А у тебя, придурок, живот бугристый...

Петя Злой хрюкнул и рассмеялся, поддерживаемый громовым хохотом верзилы Филина.

Семен, докурив, щелчком отбросил окурочок далеко в сторону и, передернув плечами, направился к стоящей неподалеку приземистой спортивной иномарке. Петя Злой и Филин двинулись за ним. Семен сел на переднее сиденье, рядом с ним – за руль – сел Филин. Петя Злой, придерживая раненую руку, тяжело опустился на заднее сиденье.

– Поехали, – сказал Семен.

Филин завел двигатель, и иномарка, легко снявшись с места, покатила по гладкой асфальтовой дороге, ведущей от большого и явно очень дорогого загородного особняка к высоким железным воротам в окружавшем особняк трехметровом заборе с колючей проволокой на вершине.

У ворот Филин притормозил, ожидая, пока охрана раздвинет массивные створки.

– Колючка, как в зоне, – негромко проговорил Петя Злой, поглаживая левой ладонью раненую руку. – Сколько раз я здесь был, сколько раз этот забор видел, а все равно мороз по коже продирает. Кажется, что не на басурманской тачке въезжаю, а в синем воронке меня провозят.

Филин тронул машину с места, выкатил за ворота и ничего на Петины слова не ответил, занятый первым поворотом на извилистой и узкой дороге, ведущей вниз по горному склону. А Семен и вовсе своих ребят не слушал.

«Вот ведь как, – думал он, – все считают, что Лилька – просто девушка Седого. Сожительница, так сказать. А никто, кроме самого Седого... ну и Лильки, конечно, не знает, что она на самом деле дочь ему. Я еще знаю. Но мне-то Седой доверяет и понимает, что я его ни при каких раскладах не продам. Я ему уже отчитывался по этому поводу. Старик меня еще сопляком воспитывал, когда я первый раз на зону залетел – перевели из малолетки... А теперь... Лильку похитили... Вряд ли стали бы похищать ее, если б считали просто сожительницей Седого. Кто-то наверняка знал, что она – его дочь. Но кто? Откуда кто мог знать про это? Это ведь строжайший секрет! Все, кто мог хоть о чем-то подозревать, давно в земле гниют. Разве что сама Лилька проболталась? Да нет, она девушка серьезная – не болтает никогда зря. Понимает, что, если откроется ее близкое родство с Седым, жизнь ее девичья будет в очень большой опасности. У Седого врагов много, да и мусора с фээсбэшниками не дремлют. Спят и видят, как Седого захомутать. И захомутали бы – если б нашли, к чему придраться. А Седой – битый волк, его на фуфло хрен возьмешь...»

Семен закурил новую сигарету.

Автомобиль, петляя по извилистой горной дороге, спускался к морскому побережью, где уже через несколько километров начинался один из самых известных южных курортов России.

Особняк, который отчего-то давно повелось называть «Орлиным гнездом», все отдалялся и скоро не стал виден совсем, как не был виден за его стенами погруженный в мрачные раздумья Седой – старый вор из почти вымершего в нынешние звериные времена племени воров-законников. Таким, как Седой, неписанные, но все еще нерушимые среди коронованных воров старой формации воровские понятия настрого запрещали иметь семью, ибо имеющий дорогих сердцу своему людей уязвим.

И коронованного вора в законе, уважаемого не только собратьями по ремеслу, но и некоторыми политическими, экономическими деятелями и деятелями культуры (как это повелось в нашей стране), неуязвимым делала именно независимость.

Вот потому-то все окружение Седого считало живущую с ним девушку Лилию обыкновенной его пассией, которая, может быть, чуть удачливее своих предшественниц, ибо Седой уже около пяти лет не расстанется с ней. Но никто, кроме самого Седого, Лили и ближайшего к Седому человека – Семена, не знал, что Лилия – родная дочь коронованного вора в законе.

* * *

Нетрудно было догадаться, что поезд уже подходит к месту своего назначения – матрацы были свернуты и лежали на верхних полках, постельное белье серой кучкой топорщилось у закрытой двери, нижние полки сияли гладким синим дерматином; початая бутылка коньяка, впрочем, стояла на столике, но никакой закуски не было, из чего можно было сделать вывод, что бутылка допивалась после вчерашнего.

Девушка Галя накладывала последние штрихи макияжа, то и дело низко наклоняясь к маленькому карманному зеркальцу, лежащему на ее коленях, – весенние солнечные лучи, без труда пронизывающие толстые и пыльные вагонные стекла, скользили по ее гладко причесанным русым волосам.

Галя аккуратно провела кончиком карандаша по контуру губ и искоса, поверх зеркальца, посмотрела на своего случайного попутчика, сидящего напротив нее, – худощавого парня лет тридцати с небольшим. Галя вечером под села в это купе, когда ее попутчик уже спал, а проснулась оттого, что он, спустившись с верхней полки, допивал начатую вчера бутылку очень хорошего коньяка и о чем-то вполголоса разглагольствовал, очевидно, вовсе не нуждаясь в себе-седнике.

Девушка Галя прошлась бледно-розовыми тенями по верху щек, взглянула напоследок в зеркало и убрала всю косметику в сумочку. Нет, она прекрасно знала, что правила хорошего тона не позволяют девушкам заниматься макияжем в присутствии незнакомых мужчин, но у себя в институте Галя считалась красавицей, к тому же кто-то когда-то сказал, что ей чрезвычайно идет ореол легкой непосредственности, и Галя с тех пор старательно поддерживала сложившийся у нее в сознании и очень ей понравившийся образ легкомысленной, но чертовски очаровательной девушки. Да и почему-то нравился ей случайный спутник. Несмотря на некоторые странности своего поведения, он производил впечатление настоящего столичного жителя и, судя по почтительной готовности проводника явиться незамедлительно после небрежного стука в стенку только для того, чтобы, пожелав доброго утра, унести опустевшую бутылку, этот мужчина ехал в поезде, видимо, из самой Москвы.

– Н-да, – проговорил мужчина, потягиваясь, – было видно, что он в прекрасном расположении духа и ему очень хочется поговорить, – Москва – большой город и центр России, как говорится, сердце страны. Но в этом-то вся и загвоздка. Вот вы, Галя, откуда?

– Я из Пырловки, – мгновенно вспыхнув, ответила Галя, – но учусь в...

– Из Пырловки! – Мужчина поднял вверх указательный палец. – На улицах Пырловки встречаются знаменитые люди? Те, которых мы больше привыкли по телевизору видеть?

– Вообще-то нет, – сказала Галя, – только дед Варлам. Он уже старый и, как за дверь дома выйдет, так и забудет, где живет и... кто он вообще такой. Его уже три раза по телевизору показывали – его фотографию то есть. В передаче «Помогите найти пропавших».

– Не то, – отмахнулся мужчина, – а вот в Москве... Понимаете, Галя, там теряется ощущение... как бы... огромности мира! В Москве, Галя, ходишь по улицам, а навстречу тебе попадают то Пугачева, то Киркоров, то Зюганов какой-нибудь... Не говоря уж про Укупника или там Жириновского. То, что ты видишь по телевизору, все у тебя перед глазами. Смотри, пожалуйста! Даже руками можешь потрогать... Только осторожно... – мужчина непонятно усмехнулся. – И создается такое ощущение, что весь мир как на ладони. – Мужчина продемонстрировал собственную большую сильную ладонь. – Маленький такой, карманный мирок. Понимаете, Галя?

Галю в институте все считали красавицей, но вот умницей, кажется, никто не называл. Поэтому она посмотрела в сторону и сказала:

– Да... Наверное...

«Интересный мужчина, – подумала она. – Как он мне представился?.. Эдуард. Такой... черноволосый, поджарый, но сильный... Сразу видно, что очень сильный. Не сказать, что красивый, но... привлекательный. Только вот рассуждает непонятно...»

– Многое зависит от человека, – продолжал мужчина. – Вот вы задумывались, Галя, почему я спал на верхней полке, когда свободны две нижние?

Галя пожала плечами.

– Чтобы не привыкать к хорошему, – объяснил мужчина. – А почему, Галя, я еду в купе рядом с проводником, который передо мной на цирлах бегает... извините... прислуживает, как халдей?

Галя снова пожала плечами.

– Потому что я все-таки привык к хорошему, – вздохнул мужчина. – Вот посмотрите... Он опять постучал в стенку проводнику. Тот появился через несколько секунд.

– Вызовешь такси, – скомандовал мужчина. – Сейчас тебе дама скажет адрес, продиктуешь адрес водителю, – и сунул руку в карман.

– Будет сделано, – быстро проговорил проводник, жадно глядя на карман мужчины и шевеля своими длинными, как у таракана, усами, точно он этими усами что-то унюхал.

– Дама позволила мне проводить ее до дома, – сказал мужчина, – чтобы там... в располагающей приятной обстановке продолжить знакомство. М-м?

Он вопросительно посмотрел на Галю.

– Я у тети живу... – растерянно проговорила девушка, переводя взгляд с лица проводника на лицо мужчины, – а встречать меня жених будет. Я в этот город к жениху еду...

Мужчина вынул руку из кармана, и проводник, разочарованно вздохнув, исчез из купе. Галя смотрела в окно.

– Мент умер, – непонятно сказал мужчина после минуты молчания.

– А вы кем работаете, Эдуард? – из вежливости спросила Галя.

– Я? – Мужчина помедлил, закуривая. – Я – ответственный сотрудник, – сказал он, выпуская изо рта облачко синего дыма, – провожу ревизию товаров предприятий на всей территории России.

– В служебную командировку едете?

– В отпуск, – сказал мужчина и посмотрел в окно. – Отдыхать...

* * *

Мужчина не соврал только в одном – он действительно ехал отдыхать от дел. В остальном же он бессовестно лгал. Вернее – вдохновенно сочинял, разгорячив сознание хорошим коньяком, стараясь скрасить долгие часы поездки.

Звали мужчину вовсе не Эдуардом, а Николаем. Николай Владимирович Щукин – если полностью. И названная в разговоре с глупой девушкой пышно звучащая должность также не вполне соответствовала действительности – «ответственный сотрудник, проводящий ревизию товаров предприятий на территории России»! Конечно, Николай Владимирович Щукин интересовался товарами, производимыми российскими (и не только) предприятиями, но интерес его был, так сказать, специфический.

Щукин был профессиональным воров. Он зарабатывал, если так можно выразиться – «зарабатывал», себе на кусок хлеба с маслом и икрой... на дорогой коньяк и машины иностранного производства... на чувственные и умелые женские ласки... и на другие блага человеческой цивилизации воровством.

Щукин не имел определенной воровской специализации – он не был исключительно карманником, хотя мог при случае и в карман залезть; он не был медвежатником, хотя мог шутя взломать любой сейф; мог и на гоп-стоп пойти, если обстоятельства складывались соответству-

ющим образом, хотя ни в коей мере не был похож на гопника, да и мало ли чем мог промыслить Николай Владимирович Щукин...

Главное то, что он был своего рода художником, как рыба, легко и свободно себя чувствовал в мутной водичке аферистских дел и запутанных махинаций и никогда не повторялся ни в своих удачных делах, ни в своих ошибках, поэтому прокалывался очень редко, считая неудачников, не вылезавших из тюрем, людьми тупоумными и лишенными минимальной доли фантазии и азарта, изобретательности и холодного расчета, смелости и способности вовремя остановиться и отойти в тень – словом, тех самых качеств, которые и сделали Николая Владимировича широко известным в воровском мире Щукиным.

* * *

Последнюю «ревизию» Щукин провел в Москве. Там он, побыв немного в качестве столичного гостя, встретил – совершенно случайно – своего знакомого, в данный момент являвшегося представителем одной довольно крупной московской фирмы по производству колбасных изделий «Солнышко». За бутылочкой в ресторане они разговорились, и приятель Щукина – его звали Ляхов – между делом похвастался, что руководство фирмы решило монополизировать торговлю колбасными изделиями в пригородах Москвы.

Неизвестно, что послужило толчком для полета мысли Щукина – очередная стопка или несколько месяцев утомительного простоя, но уже на втором часу дружеских посиделок Щукин сформулировал и выложил своему приятелю план их общего скоротечного обогащения посредством банкротства фирмы «Солнышко». Ляхов, выслушав Щукина, пришел в восторг и моментально открестился от собственных начальников, которых несколько минут назад боготворил, обозвал их сраными капиталистами, вонючими эксплуататорами, богатенькими уродами и вообще наговорил про руководство фирмы «Солнышко» много гадостей.

А наутро, подкрепленный изрядной, но не чрезмерной порцией пива и инструкциями Щукина, Ляхов пошел в офис фирмы и с фальшивым трагизмом в голосе сообщил своим шефам, что монополизацию рынка придется отложить, причем на срок неопределенный; а когда руководство поинтересовалось, в чем, собственно, дело, изложил следующее: мол, появился в подмосковном поселке Черноголовка мастер-самородок Александр Валов, построивший собственный цех и разработавший уникальную технологию изготовления сырокопченой колбасы; технология самородка Валова особенно хороша тем, что не требует практически никаких затрат, а колбасных изделий из определенного количества мяса, картона и других обязательных ингредиентов получается едва ли не вдвое больше, чем в цехах фирмы «Солнышко», и, как убедился Ляхов лично, такая колбаса по своим вкусовым качествам ничуть не уступает колбасе фирмы «Солнышко». Не сходя с места, Ляхов продемонстрировал полбатона колбасы, купленной им по дороге в офис, а пока начальники с глубокомысленным видом нюхали изделие якобы подмосковного самородка, сообщил, что Валов собирается самолично монополизировать подмосковный рынок, благо для этого у него есть и деньги, и нужные связи.

Проговорив все это, Ляхов схватился за голову и упал на стул. Руководство удалилось на совещание, а когда вернулось, в кабинет был зван Ляхов, где ему было сказано, что хвататься за голову пока рановато, сначала нужно проверить, так ли серьезно обстоят дела, а уж потом решать по обстоятельствам. В крайнем случае, можно перекупить технологию у черноголовского кустика.

Ляхову в фирме «Солнышко» доверяли, но все же на встречу с Валовым поехал вместе с Ляховым заместитель президента фирмы. Ехали они недолго и наконец остановились на окраине поселка Черноголовка у какого-то обшарпанного кирпичного здания, внутри которого работающие механизмы станков издавали такой ужасающий гул, что стены здания едва не разваливались на кирпичики. На стук Ляхова в массивную металлическую дверь вышел гро-

мадного роста охранник с совершенно бандитской физиономией, при одном взгляде на которую заместитель президента понял, что угрозами подмосковного кустика пронять будет невозможно, и поэтому кротко выразил желание встретиться с господином Валовым.

Металлическая дверь закрылась и открылась снова ровно через полчаса, выпустив на волю бородатого мужика в засаленном фартуке, источающем ароматы свиного шпика и восточных специй. Заместитель президента фирмы «Солнышко» скромно попросил об аудиенции и, получив ее, скрылся с Валовым в своем автомобиле. Порядком изнервничавшийся Ляхов, оставшись в одиночестве, решил узнать, что же так ужасно гудит в обшарпанном здании, и попытался пройти в дверь, которую господин Валов оставил открытой, но навстречу ему шагнул верзила-охранник и продемонстрировал Ляхову кулак размером с хороший свиной окорок, заставив Ляхова поскорее ретироваться.

После часа переговоров вернулся заместитель президента. Бородатый мужик, не попрощавшись, нырнул в помещение своего цеха и запер дверь изнутри.

Ляхов с озадаченным заместителем президента фирмы «Солнышко» возвратились в офис, руководством фирмы незамедлительно было собрано экстренное совещание, на котором и выяснились подробности разговора с бородатым.

Как оказалось, Валов собирается начинать свою коммерческую деятельность, опираясь не на правовые структуры, а на криминальных авторитетов Москвы, которых, как выяснил заместитель президента, знает очень хорошо и в рассказе о них оперирует такими деталями, что не поверить невозможно. Это первое. Второе – Валов ни за что не хочет разглашать секрет своей технологии, не разрешил даже одним глазком взглянуть на собственноручно сконструированные станки. Третья новость, наименее печальная, заключалась в том, что Валов в принципе согласен продать свою технологию – правда, цена, которую он запросил, была, по общему мнению руководства фирмы «Солнышко», запредельной, да и на раздумье он давал фирме всего два дня, так как уже в скором времени собирался рассылать товар по подмосковным магазинам.

Ляхов, в исключительном порядке допущенный на закрытое совещание руководства, высказался за то, чтобы все-таки отдать деньги Валову, предварительно немного поторговавшись. Ляхову же и поручили проверить личность господина Валова по братве, так как Ляхов, в отличие от своих начальников, обучавшихся в европейских университетах, свое образование получал главным образом в зоне под городом Сыктывкаром, где отбывал наказание за совершенное в молодости экономическое преступление.

Ляхов согласился и тут же на предоставленной ему для этих целей машине поехал в Черноголовку, где у известного уже кирпичного здания нашел спокойно покуривавшего на солнце господина Валова. Завидев Ляхова, Валов отклеил от лица бороду и скинул воняющий свиной фартук, превратившись в результате этих действий в Николая Щукина. Готовый уже праздновать победу Ляхов заверил Щукина, что дела идут на лад, и посоветовал тому выбирать маршрут заграничного путешествия и покупать два билета на самолет. Щукин подробно расспросил Ляхова о совещании и после этого рассказал, как он сам, проявив чудеса расторопности, арендовал на три дня пустующее помещение общественной бани Черноголовки и свез туда несколько купленных за бесценок неисправных ткацких станков с соседней фабрики. В конце разговора с подельником Ляхов упомянул о том, что кое-кто из руководства собирался звонить соответствующим спецслужбам, дабы пресечь явно незаконную деятельность Валова. Щукин не на шутку встревожился, но Ляхов успокоил его, сказав, что лично отсоветовал своему руководству делать это, сославшись на то, что с криминалом такие штуки не пройдут, если узнают, дескать, то быть большой беде...

Щукин похвалил Ляхова за сообразительность, но все же решил ускорить действия – на всякий случай.

Через Ляхова уже на следующий день была назначена встреча. Господину Валову передали сумму денег, которая была хоть и несколько меньше назначенной в час первой встречи, но все равно достаточно крупной. Господин Валов, получив деньги, немедленно отбыл в неизвестном направлении, а потирающие руки представители фирмы «Солнышко» направились в цех, чтобы ознакомиться с технологией. И когда обнаружилось, что заплачена эта немалая сумма за разбитое одноэтажное здание и несколько никуда не годных ткацких станков, у президента фирмы «Солнышко», по слухам, случился сердечный приступ. Кинулись искать Ляхова, но тот, конечно, пропал. Впрочем, его нашли через неделю на Павелецком вокзале – обросшего бородой и порядком обтрепавшегося: выяснилось, что Валов, то есть Щукин, на назначенную встречу не пришел, решив, видимо, что человек, за полчаса продавший своих хозяев и переметнувшийся к новому хозяину, права на материальное поощрение не имеет. Ляхов, конечно, с потрохами выдал обманувшего его подельника, но так как Щукин был известен ему под другой фамилией и документов Щукина он в глаза не видел, ничего не вышло.

Николай Владимирович Щукин благодаря вдохновенному полету своей фантазии, исключительной предприимчивости, тонкому знанию психологии (он ведь мгновенно раскусил Ляхова и умело использовал его), знакомству с московскими криминальными авторитетами и, конечно, благодаря удивительному везению получивший легкий куш как сквозь землю провалился. Милиция начала было копать в этом странном и запутанном деле, провернутом, впрочем, с молниеносной быстротой, но найти Щукина и вернуть деньги обманутым коммерсантам не удалось. Очевидно, сотрудники правоохранительных органов пытаются разобраться в происшедшем и сейчас, а Щукин тем временем пьет коньяк в поезде, все дальше уносящем его от центра России.

А в три часа пополудни поезд, в котором ехал Щукин, остановился на станции небольшого городка недалеко от границы с Эстонией.

Стоянка была пятиминутная, но этого времени Щукину хватило на то, чтобы помочь девушке Гале вытащить на перрон все ее сумки и сойти самому. У него-то вещей не было.

Глава 2

Седой медленно прохаживался из угла в угол своего маленького кабинета. Несмотря на то что день был по-весеннему яркий и солнечный, плотные шторы были опущены и горел тусклый свет старинной лампы, угрюмый и тоскливый, как лунный луч в ночном ущелье.

Раздавшийся внезапно телефонный звонок заставил Седого встрепенуться. Он прыгнул к столу и схватил трубку антикварного телефонного аппарата, служившего, по всей видимости, еще в начале двадцатого века какому-то неведомому владельцу.

Телефон отозвался нескончаемым глухим гудком, а спустя секунду звонок повторился. Выругав себя за недогадливость, Седой протянул руку к мобильному телефону, лежащему на столе.

– Слушаю, – надорванным и сиплым голосом проговорил он и слушал довольно долго.

Затем лицо его перекошилось, будто Седого вдруг пронзила сильная боль, и он произнес:

– Везите этого урода сюда. Никому ничего не говорить. Мешок ему на голову и в багажник. Рот его поганый заткните чем-нибудь, чтобы не гавкал по дороге. На воротах скажите, чтобы отволокли его в подвал... Ладно, я сам скажу... Через сколько?

Помедлив несколько секунд, Седой выпрямился и заорал, словно тот, кому он отдавал приказ, не находился невесть где, а стоял прямо перед ним:

– Через полчаса чтобы здесь были! Понятно, падлы?!

И положил трубку.

Ровно через полчаса Седой сидел в глубоком кресле, которое специально для него принесли в эту подвальную комнату. Сырые стены сочились какой-то скользкой дрянью, а под низким потолком неприятным ярким светом горела голая электрическая лампочка на перекрученном шнуре, очень похожая на повешенного утопленника.

Напротив сидящего в кресле Седого стояли Петя Злой и Филин, а между ними – щуплый и маленький человечико с разбитым в кровь лицом. Неясные, стертые, словно у старой монеты, черты лица его были пронизаны смертельным ужасом, а тусклые глаза растерянно блуждали по голым подвальным стенам.

Уже несколько минут в подвале висело тяжелое молчание.

– Люблю я эту комнату, – придушенным голосом заговорил Седой, ни к кому специально не обращаясь, – стены приятные... Удобные – тряпочкой протер – и никаких проблем. С полом еще проще – кровь в него впитывается, как в сухой песок. Через минуту и следов никаких не остается... А? Как считаешь, Ярик, удобно?

Человечико, носивший гордое имя Ярослав, давным-давно переименованное в пренебрежительное Ярик, встрепенулся и издал пересохшим горлом неопределенный звук.

– А трупы, – меланхолично щурясь на ослепительную лампочку, продолжал Седой, – я в море сбрасываю. Со скалы. Р-раз – и нету. Если ветер и шторм, то еще лучше. Человек с двадцатиметровой высоты о воду гребнется, а его волнами по скалам в мелкий, сука, порошок разотрет...

Ярик передернул плечами и снова ничего не смог выговорить.

– Скажет, – подал голос Петя Злой, – это он просто стесняется. А когда разойдется, то пойдет базарить, как заводной, только затыкай.

И кнул человечико перевязанной рукой в плечо, совсем легонько, но тот дернулся и на мгновение закрыл глаза, словно от сильного удара.

– Момент море, – сказал еще Петя Злой, а Филин хихикнул и добавил:

– Моментально... в море!

– Итак, – попыток Седой, – значит, наш маленький друг боится говорить. Интересно, кого он боится больше, чем меня? Кого, пропадлина?

Ярик молчал.

– Кого, гнида магаданская?! – сильно повысил голос Седой. – Кого, сука?

Резко подавшись вперед, Седой подал мгновенный знак. Филин кивнул и, не размахиваясь, врезал Ярику под дых. Тот задохнулся, согнувшись пополам. Филин отступил на шаг, уступая место Пете, который осторожно, оберегая раненую руку, развернулся и заехал Ярику по уху открытой ладонью. От звонкого удара беднягу отбросило в сторону – и вовремя шагнувший вперед Филин поймал жертву за жиденькие короткие волосенки и, рванув его голову вниз, подставил мощное колено.

Гукнул тупой и сильный удар, Ярик мучительно простонал и мешком рухнул на утоптаный земляной пол подвала. С минуту он, подвывая от боли и страха, ворочался в луже крови, потом затих, негромко всхлипывая и все еще роняя из переломанного носа крупные алые капли, которые действительно почти моментально впитывались в сухую землю.

– Не говорит, – полувопросительно произнес Седой, – странно... Может, вы ему говорушку отбили?

– Не-а! – поддержав шутку хозяина, бодро ответил Филин. – Но сейчас отобьем, если хочешь...

Седой подождал минуту, но с пола ничего, кроме всхлипываний и невнятных бормотаний, слышно не было. Тогда он поднял глаза на Филина и кивнул.

– Вставай! – зарычал Филин, подходя к лежащему на полу человеку.

Тот зашевелился и поднял на своих мучителей окровавленное лицо, но не встал, видимо, из-за страха получить очередной страшный удар. Филин пожал плечами и несколько раз сильно двинул лежащего ногой в живот. Тот запищал, и тогда подскочивший Петя Злой левой рукой легко поставил избиваемого на ноги. Качнувшись, Ярик устоял, но, получив от Филина хук с правой, полетел в сторону, а там Петя ловко поймал его на вовремя выставленный кулак. Ярика отбросило назад, он наткнулся на Филина спиной, и Филин сильнейшим ударом в почку опять отправил его на пол.

– А теперь, – вкрадчиво поинтересовался Седой, – будешь говорить?

– Бу... ду... – плюясь кровью и плача, выговорил избиваемый.

Его снова поставили на ноги и удерживали с двух сторон. Ярик поднял трясущиеся руки к залитому кровью лицу и тут же опустил их, не в силах даже утереться.

– Меня интересует только один вопрос, – медленно проговорил Седой, – куда повезли Лилю? Если ты, сучья кровь, пидор позорный, будешь и дальше молчать, то пацаны тебе жабы лапки замастырят... Знаешь, что такое жабы лапки? Это когда бритвой отрезают большой палец, но не до конца, а чтобы он на куске кожи болтался – действительно очень на лягушачьи лапы похоже... Ведь ты, блядина гнилая, терся в том кабаке, где Лиля в последний раз сидела, да? А через два часа, когда ее те уроды из кабака увозили, ты слинял на вокзал. И если бы ты, гнида, в кабаке на Лазурном берегу не засветился, то хрен бы мы тебя нашли. Почему свалить из города решил?

– Испу... испугался, – проблеял Ярик, – что я под расклад попаду...

– Под расклад ты по-любому попал бы, – заверил его Петя Злой, – потому что при любом шухере без тебя никогда не обходилось. Потому что ты нос свой поганый всюду суешь... Говорили тебе, сука, что когда-нибудь твоя привычка тебя без жопы оставит?

– Го... говорили, – плакал Ярик, – только я и на самом деле не виноват ни в чем... Просто слышал, как те... которые ее увезли, между собой база... базарили...

– Так какого хрена ты ко мне не пришел, падаль, а из города побежал, как крыса?! – срываясь, заорал Седой. – Чего ты мне целый час мозги канифолишь, а? Говна кусок?! Куда Лилю отправляют?!

– На северо-запад, – корчась от страха, прокричал Ярик, – вроде в Питер... а потом в Швецию... Я ни при чем, я просто разговор слышал!!! А убежал, потому что испугался очень!

Седой! – умоляюще завопил Ярик. – Ведь ты же меня знаешь! Я ведь никогда ничего никому... Просто...

– Что – просто?

– Судьба у меня такая... – сникая и угасая, договорил Ярик, – все время попадаю...

– Да, – как-то сразу устало и задумчиво, словно уже размышляя о чем-то другом, согласился Седой.

Он тяжело поднялся со своего кресла и, не говоря ни слова, вышел, плотно притворив за собой тяжелую металлическую дверь. Ярик дернулся было за ним следом, но Филин толчком в спину сбил его с ног.

– Да я же ничего! – завизжал Ярик, извиваясь на утоптанной земле. – Я же все сказал!!! Я же правда ни при чем! Только испу... испугался, что, как всегда, крайним окажусь... Петя... Ведь ты меня знаешь... Филин... Я молчать буду! Я...

Он увидел пистолет в руках Филина и замолчал, трясась.

Седой отошел от металлической двери и в сопровождении охранника направился к лестнице, ведущей из подвала.

Однако на первой же ступеньке Седой остановился и стоял, прислушиваясь, пока в подвальной комнатке не грохнул глухо единственный пистолетный выстрел.

Тогда Седой кивнул сам себе и пошел дальше.

* * *

Приятно возвращаться в город, где провел много незабываемых дней заслуженного отдыха после рискованных авантур, зачастую грозящих не только длительным тюремным заключением, но и безвременной гибелью от шальной пули какого-нибудь не менее шального коммерсанта, материальные ценности ставящего превыше бесценного, богом данного человеку дара жизни.

Щукину нравился этот маленький городок на северо-западе страны, немногочисленное население которого знало Щукина как преуспевающего бизнесмена средней руки. Поэтому ничего удивительного нет в том, что прямо с вокзала Николай отправился в лучший ресторан города. Ресторан назывался «Золотой гребешок». Какую смысловую нагрузку несло это название, сказать трудно, но ряд ассоциативных сравнений неизменно приводил к старинной детской песенке про петушка: «Петя-Петя-Петушок, золотой гребешок, выгляни в окошко, дам тебе горошка...» Тем более что хозяина ресторана звали Петр Петрович Петров.

Щукин, легко сходившийся с людьми, был знаком с Петровым и, следовательно, со всеми швейцарами, гардеробщиками, официантами и особенно официантками.

Вот и сейчас началось с того, что швейцар Митрич, вольготно покуривавший на крыльце ресторана, едва заметив выходящего из такси Щукина, бросил сигарету и подтянулся, словно ефрейтор перед генералом, хотя на самом деле был полковником в отставке.

– Привет труженикам общепита! – весело приветствовал Митрича Щукин, проходя в распахнутую перед ним дверь.

Митрич низко поклонился, льстиво пробормотал что-то насчет удачной сделки и, осторожно прикрыв за Николаем дверь, отошел в сторону, сжимая в руке только что полученную купюру.

Точно такую же купюру сунули в свои карманы и гардеробщик, ринувшийся из-за своей конторки только для того, чтобы смахнуть с безукоризненно сидящего пиджака Щукина какую-то незаметную пылинку, и немолодой степенный официант Иван Степанович, гордящийся тем, что его сын учится в Московском университете. Щукин сел за излюбленный свой столик – у окна, в прохладной полутьме зала, наполовину скрытый от всех присутствующих громадной пальмой, – а Иван Степанович, чуть не подпрыгивая от радости, что он первым

успел перехватить такого перспективного клиента, как Арнольд Маслов (под этим именем был известен Щукин в «Золотом гребешке»), направился на кухню лично распорядиться насчет закусок.

Щукин оглядел зал ресторана. Еще довольно рано было, и, кроме пожилой семейной пары, скромно отмечающей какой-то свой юбилей, никого в зале не было.

Николай закурил и только успел сделать первую затяжку, а в проеме кухонной двери уже показался Иван Степанович с огромным подносом, сплошь уставленным тарелками, тарелочками и розетками с самыми разнообразными закусками.

– Да, – проговорил Щукин, когда Иван Степанович, сервировав стол закусками, остановился, почтительно склонив голову, – да, – повторил он, наливая из хрустального графинчика первую рюмку и цепляя на тяжелую серебряную двузубую вилку кусок омара, – жизнь стоит того, чтобы жить. А жить нужно вот в этом городке... Работая, конечно, в центре.

Иван Степанович, деликатно покашляв, кивнул, выражая свое полнейшее согласие с клиентом.

– У вас городок хоть и маленький, – продолжал Щукин, рассматривая на свет напиток в хрустальной рюмке, – но чистое дыхание Европы чувствуется здесь сильнее, чем в Москве. Чистое дыхание. Смущает только одно... Почему у вас Митрич зубы не чистит? – строго осведомился вдруг Николай. – Чуть мне весь аппетит не перебил!

Степенный Иван Степанович почтительно посмеялся и, подождав, пока Николай выпил первую рюмку и закусил, осведомился:

– Какие будут распоряжения насчет горячего?

Николай откинулся на спинку стула и покрутил в воздухе растопыренной пятерней.

– Понимаю... – закатил глаза Иван Степанович и засеменил на кухню.

Николай выпил вторую, снова закусил и негромко рассмеялся, вспомнив, как он, сидя в одном московском ресторане с цыпочкой, с которой только что познакомился, каждый раз, когда заказывал какое-либо блюдо, давал, чтобы произвести впечатление на цыпочку, на чай официанту крупную купюру. Купюру эту он тырил из кармана официанта и ему же с вальяжным видом подавал – за тот вечер купюра не один раз перекечевала из кармана официанта в руки Щукина и обратно, а в конце вечера Щукин – совсем тогда молодой человек – обнаглел до того, что расплатился за свой ужин, не потратив ни копейки собственной, даже чаевых оставил немерено – а тяжесть всех расходов понес ничего не подозревающий официант, обслуживающий Щукина.

Николай выпил третью и зажмурил от удовольствия глаза. А когда открыл их, понял, что сегодняшний его вечер в этом ресторане явно удался, потому что увидел приближающуюся к его столику Веронику, девушку, с которой он познакомился два года назад и без плотного общения с которой в последнее время не обходился ни один приезд Щукина в этот город. У Вероники были удивительные волосы, ровными волнами спускавшиеся до восхитительных бедер, своей округлостью напоминавших античную амфору, ласковые, всегда влажные глаза и умопомрачительная грудь, каждый раз волновавшая Щукина так, будто он видел ее впервые.

– Снова в гости? – осведомилась Вероника, по-хозяйски присаживаясь за стол Щукина.

– В гости, – ответил Щукин, наполняя свою рюмочку и уж заодно вторую. – А у тебя как жизнь?

– Так же. – Вероника пожала плечами, отчего ее грудь словно подмигнула Щукину.

«Н-ну... – жмурясь, как кот, подумал Николай, – понеслась душа в рай...»

– Разлюбил ты меня совсем, Арнольд, – проговорила Вероника, с удовольствием выпив.

– Это почему? – удивился Щукин.

– Поишь водкой, как вокзальную шлюху, – пояснила Вероника, – фи... Почему ты шампанского не заказал?

– Айн момент! – воскликнул Шукин, щелкая в воздухе пальцами. – Я же не знал, что тебя встречу...

Иван Степанович, успевший уже узнать о приходе Вероники, нес ведро со льдом, в котором, как остроконечный айсберг, возвышалась большая бутылка французского шампанского.

– Что на этот раз удачно продал? – поинтересовалась Вероника. – Ты ведь в наш город приезжаешь исключительно после крупной сделки какой-нибудь.

– Удачно завершившейся, – договорил за нее Шукин и поднял фужер шампанского. – Выпьем за...

Он покосился на Ивана Степановича, старательно укладывавшего бутылку шампанского в лед. Иван Степанович мгновенно оставил в покое бутылку и слинял с такой неслыханной скоростью, что можно было подумать, будто он растворился в воздухе.

– За твою восхитительную грудь, – договорил Шукин и чокнулся своим фужером с фужером Вероники.

Выслушав привычный тост, Вероника улыбнулась и отпила глоток ледяного шампанского.

– И все-таки, – заговорила она, поставив фужер на стол, – я чувствую, что последняя твоя сделка удалась на славу. Идешь в гору?

Шукин кивнул.

– Этот костюмчик... – Вероника прищурилась, глядя на черный строгий костюм Николая, за который тот отвалил никак не меньше трети вырученных им в Москве денег, – стоит таких бабок...

– Костюм стоит столько, на сколько он выглядит, – с удовольствием погладив мягкую ткань, проговорил Шукин, – но на этот раз мне кажется, что я переплатил. Дорогой одежды в столице уйма, мне захотелось хоть раз одеться по-человечески, так с меня содрали столько... А чем этот костюм отличается от тех, что висят в ваших галантерейных магазинах, заметит не каждый.

– Не скажи... – рассматривая костюм, ответила Вероника, – я вот, например, заметила. Разве тебе, Арнольд, этого мало? Считаю, что на меня ты уже произвел впечатление... Впрочем, – добавила она, – ты на меня каждый раз производишь впечатление.

Вероника еще раз окинула взглядом костюм Шукина и заговорила уже на другую тему, но Шукин еще с полчаса нет-нет да и поглаживал машинально ласковую ткань пиджачного рукава. Вероника знала об одежде все, и ее суждениям можно было доверять. Она работала в лучшем в городе ателье модельером. Это, конечно, в свободное от основной работы время, потому что мода – для души, а клиенты, посещавшие «Золотой гребешок», за одну ночь платили Веронике столько, сколько она в своем ателье не зарабатывала за месяц.

* * *

Блюда сменяли блюда. Бутылки приносились на подносе с гордо поднятыми горлышками, а уносились поникшими и опустошенными. Иван Степанович, последние два часа получавший от Шукина сторублевую бумажку за каждую смену блюд, решил проверить в подсобке, сколько он уже насобирал за вечер, но с удивлением обнаружил, что его благосостояние увеличилось едва ли на двести рублей – по всей видимости, Николай вспомнил молодость.

– Скоро полночь, – таинственно шуря глаза, проговорила Вероника, – может быть, пойдём?

– Д-да? – с сомнением произнес Шукин, выпивший за этот вечер более чем изрядное количество спиртного. – Так рано?

– Совсем не рано, – профессионально оценив состояние Николая, молвила Вероника. – Наоборот, у меня такое ощущение, что скоро будет поздно...

Щукин подумал немного и, подняв руку, щелкнул в воздухе пальцами. Подлетел Иван Степанович со счетом и с готовностью немедленно вызвать такси – и через несколько минут Щукин, с одной стороны поддерживаемый красавицей Вероникой, а с другой швейцаром Митричем, который по особому распоряжению Ивана Степановича тщательно вычистил зубы только что купленной впервые за десять лет зубной щеткой, спускался вниз по лестнице ресторана «Золотой гребешок», а еще через полчаса был уже в уютной однокомнатной квартирке Вероники.

– Н-наше знакомство, леди... – с трудом проговорил Николай, сдирая с себя пиджак, – должно чем-то завершиться. Позвольте рюмочку водки... для красноречия...

– Перестань дурачиться, Арнольд... Костюмчик не помни! – Вероника быстро и умело раздела Николая, аккуратно повесила костюм на спинку стула. – Вот теперь...

– Теперь... – выговорил Щукин, глядя на медленно разоблачающуюся перед зеркалом Веронику, – я передумал насчет водки.

– Почему? – очень натурально удивилась Вероника и, грациозно изогнувшись, сняла с себя последнюю и самую интимную деталь туалета.

– Потому, – коротко ответил Николай и, дотянувшись до выключателя, потушил свет.

* * *

Колонна из трех машин направлялась с юга России на северо-запад. Все три машины были иностранного производства и все имели одну и ту же конфигурацию – джип; на всех машинах стояли номера, заведя которые и промышляющие на областных трассах «братки», и сотрудники областного отделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения должны были взять под козырек и пропустить колонну, ни в коем случае не препятствуя ее движению.

Колонна двигалась на северо-запад, а точнее, в город Санкт-Петербург – в Северной столице у Седого были кое-какие старые связи. В первом автомобиле за рулем сидел Филин, на заднем сиденье – Петя Злой, а на переднем, рядом с водителем, – Семен, всю дорогу задумчиво теребящий пистолет Макарова, который он не выпускал почему-то из рук.

Как и следовало ожидать, через территорию области колонна прошла быстро и беспрепятственно, неприятности начались только на второй день пути.

Конечно, Седой вполне мог бы оповестить своих коллег по воровскому миру, и тогда колонна прошла бы через страну, как раскаленная иглолка через кусок сливочного масла. Но Седой не стал афишировать отъезд своих ребят, а уж тем более – цель путешествия. Ему хватило и того, что кое-кто из его окружения вслух выразил удивление – почему такая шумиха поднялась из-за какой-то похищенной бабы? Разве вору в законе прилично ставить на уши весь город, чтобы найти того, кто хотя бы немного знает о похищении? Женщины ни в коем случае не должны стоять во главе угла – так гласит свод воровских понятий...

Тут говоривший заткнулся, потому что схлопотал по морде лично от самого Седого, который, кстати говоря, из-за своей мягкой и неслышной походки получил когда-то второе прозвище Кот.

Итак, шел второй день пути.

По приказанию Седого из оружия «братки» взяли с собой только пистолеты да несколько гранат – словом, то, что можно спрятать на себе, ведь на дорогах машину досматривают прежде, чем ее пассажиров и водителя.

Колонна двигалась на северо-запад, и на подъезде к одному из крупных городов в головной машине запиликало хитроумное устройство, по радиоволнам определяющее наличие на дороге гаишников.

– Во, – сказал Филин, хорошо знающий эту трассу, – менты впереди. Раньше они здесь никогда не стояли. А теперь, падлы, пост установили. Наверное, для прокорма денег не хватает. И не видно нигде, хотя, судя по сигналу, они уже близко. Затарились, черти, в кусты, как обычно.

Семен нахмурился и спрятал пистолет в нагрудную кобуру.

– А слышали, пацаны, новую байку про гаишников? – снова заговорил Филин. – Они, пропадлины позорные, теперь, чтобы их приборы показывали большую скорость движущейся машины, быстро-быстро бегут навстречу...

Петя Злой хихикнул, а Семен нахмурился еще сильнее.

– Снизить скорость, – приказал он, – может быть, не остановят.

– Как же, – ухмыльнулся Филин, – пропустят они такую тачку, как джип. Обязательно остановят. Придерутся к херне какой-нибудь – типа фары грязные или огнетушитель стандарту не соответствует... Бабки драть будут. На то они и менты.

Скорость он тем не менее снизил.

А через минуту неожиданно появившийся из кустов гаишник в ярко-оранжевом слюнявчике с надписью «ГИБДД» махнул полосатым жезлом, приказывая остановиться.

Филин послушно притормозил, опуская тонированное стекло со своей стороны, и съехал к обочине.

Следом за ним остановились и две машины, идущие позади. Теперь Семен ясно видел капот спрятанной в густых и по-весеннему ярко-зеленых кустах милицейской машины, возле которой с автоматом и рацией стоял второй милиционер.

– Лейтенант Гусев, – представился милиционер, подойдя к джипу. – Ваши документы, пожалуйста.

– Привет, командир, – весело откликнулся Филин и подал документы через окошко.

Гусев долго изучал документы Филина – так долго, что тот начал уже сомневаться, умеет ли читать лейтенант Гусев, но наконец гаишник протянул документы обратно.

– Все в порядке? – спросил Филин, собираясь уже заводить машину.

Гусев кивнул, но сакраментального «счастливого пути» не произнес.

– Выйдите-ка из машины, – скомандовал он.

Филин поморщился.

– Спешим, командир, – сказал он уже не так весело, как поначалу, – может, договоримся?

– Выйдите из машины, – бесцветно повторил Гусев.

Филин пожал плечами и вышел. Семен кивнул Пете и тоже покинул машину. Петя выбрался позже всех.

Он встал по другую сторону, отделенный автомобилем от гаишника, и проговорил, демонстрируя забинтованную руку:

– Чего к инвалидам-то привязался?

– Инвалиды на таких тачках не ездят, – справедливо заметил лейтенант Гусев, – не кислая у тебя тачка, инвалид.

– Не моя, – лениво выжевывая слова, ответил Петя Злой, – на фирму записана. Я человек подчиненный. Сказали – поехал. А мог бы и на больничном остаться.

– По делам едем, – хмуро пояснил Семен.

– Те два джипа – тоже с вами? – поинтересовался лейтенант.

– А то, – ответил за Семена Филин, – чего бы они останавливаться стали, если б не с нами были. Сейчас ведь сам знаешь, командир, какая в стране обстановка – криминогенная!

Меньше чем на трех машинах и с охраной по междугородным трассам и не проедешь – везде беспредел. Спасибо, хоть у вас теперь количество постов увеличилось, – льстиво добавил он.

Гусев ничего на это не ответил. Он заглянул в салон, потом приказал открыть багажник.

– Да пожалуйста, – сказал Филин и пошел открывать багажник.

Содержимое багажника – запаску и кое-какие необходимые инструменты – лейтенант Гусев изучал довольно долго, даже колупнул пальцем резину колеса.

– Ну? – спросил наблюдавший за ним Филин. – Теперь все в порядке? Можно ехать?

– Можно, – кивнул Гусев, – счастливого пути. Вы можете ехать, а я пока документики проверю у тех водителей.

И направился к двум джипам, стоявшим позади.

– Вот сука, – прошептал Филин, обращаясь к Семену, – даже бабок не взял. Раньше проще было – стольник баксов в зубы менту и поехал дальше. А сейчас не то... Все придираются... Все у них операции какие-то. То «Вихрь-антитеррор», то еще какая-то херь... Зарплату им, что ли, повысили? Уж и не знаешь, сколько этим падлам сунуть надо, чтобы они отгребли восвояси.

Семен молчал. Он только кивнул Пете, чтобы тот наблюдал за стоящим с автоматом и рацией гаишником, а сам вполоборота встал к лейтенанту Гусеву, как раз в это время проверяющему документы у водителя второй машины.

Минута прошла спокойно. Проверив документы у водителя, Гусев осмотрел салон и багажник и только потом переместился к последнему джипу.

И тут-то все началось.

Только лейтенант Гусев подал просмотренные документы обратно водителю третьей машины и приказал освободить салон, один из «братков» вдруг неловко засуетился, вылезая, и Гусев внезапно что-то крикнул своему коллеге, отскакивая в сторону.

Послышался крик «братка»:

– Да это газовый, командир!..

Но водитель третьей машины решил форсировать события. Он подскочил к опешившему Гусеву и умелым ударом сбил его с ног.

– Уроды... – изумленно пробормотал Филин, – дилетанты хреновы... «Ствол» светанули... Документацию на «ствол» ведь не успели сделать... Ни хрена он не газовый...

– Давай! – отрываясь от наблюдения за происходящей сценой, крикнул Семен Пете.

Петя Злой, мгновенно поняв, что от него требуется, выхватил из-за пазухи пистолет и направил его на второго гаишника, который уже подносил ко рту рацию.

Тот успел только удивленно крякнуть, когда пуля разнесла на куски рацию в его руках... попятился назад, но вторая пуля насквозь прошила ему горло – прямо над низким воротом бронежилета – и, перебив шейный позвонок, вышла сзади. Булькнув что-то неразборчивое, гаишник повалился на асфальт.

– Скорее! – закричал Семен. – Идите к машине!

Держа на прицеле милицескую машину, Филин и Петя Злой побежали в ее сторону – выяснить, есть ли там кто-то еще.

– Никого! – крикнул из кустов Филин.

Только тогда Семен направился к оглушенному Гусеву, а Петя Злой, встав над раненым милиционером, который безуспешно пытался зажать пальцами хлещущую кровь из перебитой артерии, поднял пистолет и сделал контрольный выстрел в голову.

– Вы чего? – захрипел Гусев, пытаясь подняться. – Я вам... Да вы у меня...

– Кончать надо, – хмуро посоветовал водитель третьей машины, потирая ушибленный кулак.

– Давай! – Семен бросил яростный взгляд на бледного «братка» – того самого, который нечаянно показал свой пистолет настырному гаишнику.

Послушно выхватив «ствол», тот двумя меткими выстрелами в голову прикончил несчастного Гусева.

Семен оглянулся на Петю. Тот махнул ему забинтованной рукой – все в порядке!

Еще несколько секунд Семен стоял неподвижно, оценивая ситуацию. Потом скомандовал:

– Документы и «стволы» у ментов изъять... Будет типа нападение на пост с целью ограбления... Могут на беспредельщиков каких-нибудь списать... Быстро, гады!

Через минуту все было кончено. Колонна из трех джипов покинула опасный отрезок трассы и выскочила на проселочную дорогу. Ехали еще два часа, пока не встретили на пути какое-то небольшое озеро.

Уже два с лишним часа молчавший Семен приказал колонне остановиться.

Он вышел из машины, оглядел безлюдные берега и взял из рук подошедшего к нему водителя третьего джипа два пистолета и документы убитых гаишников.

Потом завернул все это в полиэтиленовый мешок, предварительно в нескольких местах продырявив его, чтобы вода уничтожила документы, и, размахнувшись, швырнул мешок в озеро.

– Номера с тачек свернуть! – закричал он, обернувшись.

Его приказ был исполнен через две минуты. Три номера были свинчены и положены к его ногам.

– Петя, – хрипло скомандовал он, – давай.

Петя Злой достал из-за пазухи три новенькие номерные таблички и раздал их шоферам. Филин тем временем взял у шоферов их документы на машины и раздал другие – соответствующие новым номерам. Семен вынул из кармана другой мешок, завернул в него старые номера и документы на машину, отошел подальше по берегу и швырнул мешок в озеро.

– Где Сивый? – хрипло проговорил он, вернувшись. – Где этот урод, который «ствол» прятать не научился?

Провинившийся «браток» подошел, сунув руки в карманы, неловко сутуля плечи и стреляя глазами то туда, то сюда...

– Ты чего? – негромко и сдавленно заговорил Семен. – Ты чего, падла? Всю операцию хочешь сорвать? А? Ты чего, проблядь глупая, «ствол» не смог затарить нормально? А если и светанул, то не мог объяснить менту по-человечески? На хрена стрематься было и рожу делать такую, будто тебя застукали в хранилище банка, а? Мало ли сейчас со «стволами» ходят? Ты же охранником считаешься официально, падла... Тебе просто оформить не успели «ствол», как надо. Это и нужно было объяснять, а не менжеваться... Гнида... Ух!

Семен замахнулся на него, но Сивый, проворно отпрыгнув в сторону, забормотал испуганно:

– Да я просто растерялся! Я же не специально... Ты меня знаешь, Семен, и Седой меня знает. Я уже второй год под Седым хожу, и никогда никаких проколов не было. Только сейчас... Я же кончил этого мусора!

– Все мы друг друга знаем, – опуская руку, медленно выговорил Семен, – все мы друг другу доверять должны. Только чтобы такого больше не было. Понял, Сивый?

– Ага, – виновато понурил голову Сивый, – понял.

– И не забывай, – добавил еще Семен, – что трупняк мусора на тебе висит. Еще раз такая херня повторится, и тебе это зачтется. Усек?

Сивый судорожно вздохнул и кивнул.

– Ладно, – сказал Семен, окидывая взглядом сгрудившихся «братков», – полчаса на перекур... пока я Седому звонить буду. Отчитываться за ваши художества. Потом по машинам и... разными дорогами вперед. Вместе не светиться. Встречаемся в Питере, понятно?

– По... понятно, – вразнобой загомонили «братки».

Доставая на ходу сотовый телефон, Семен медленно пошел вдоль берега. Когда он поднес телефон на уровень груди, его догнал Петя Злой.

– Слышь, – тяжело дыша, зашептал Петя на ухо Семену, – может, не надо Седому звонить? До Питера доберемся, а там дело сделаем и назад, на других тачках. Бог даст – обойдется. А Седой сейчас из-за бабы своей и так взвинченный, а ты ему еще такую новость... Как бы беды не было.

– Оторвись... – сквозь зубы командовал Семен, – достали вы меня, уроды... Да Седой мне как самому себе доверяет! И я от него ничего скрывать не собираюсь! Вали к машине! Ну, гнида!..

Петя пожал плечами и отошел.

А Семен глубоко вдохнул, как перед прыжком в воду с большой высоты, и принялся набирать номер.

Глава 3

Нельзя превращать отдых в одну большую непрекращающуюся пьянку!

Такова была первая мысль Николая Щукина после его пробуждения в квартире Вероники. Он попытался произнести эту мысль вслух, но обожженный водкой язык не слушался его.

Тогда Щукин открыл глаза и приподнял голову – и обнаружил, что лежит на широкой кровати, в простонародье именуемой траходромом, рядом с обворожительной и обнаженной хозяйкой квартиры.

Голова Щукина гудела так, что, казалось, по ней только что проехал длинный товарный поезд. Он оглянулся на Веронику, разметающуюся во сне, и улыбнулся, несмотря на то что во рту у него пересохло, а в висках, как плененная в клетке птица, билась кровь. Потом Щукин заметил на ночном столике рядом с постелью недопитую бутылку шампанского и один фужер. Наклонившись с кровати, Щукин обнаружил, что второй фужер валяется на ковре.

Тяжело вздохнув, Николай поднял бутылку над головой, взболтал, чтобы шампанское закружилось винтом между толстых стеклянных стенок, и в один глоток выпил содержимое бутылки.

На минуту затих, прислушиваясь к своим ощущениям. А затем поморщился.

Выдохшийся напиток никак не мог залить ту тяжелую и горячечную жажду, которая так знакома людям, живущим по принципу: выпивать редко, но метко.

Дойти до кухни, где могла быть прохладная и безумно вкусная вода, а то и пиво, Николай не мог физически. Он попытался подняться, но внезапно ослабевшие ноги не слушались его – и Щукин снова завалился на измятые подушки.

«Ладно, – подумал он, – пиво успеется. А пока нужно попробовать лучшее средство от похмельного синдрома – хороший здоровый секс, благо это средство под рукой».

Николай повернулся на бок и положил руку на оказавшееся вдруг неподвижным и холодным бедро Вероники.

Она не шевельнулась.

Тогда Николай, заботливо прикрыв одеялом ноги девушки, потрепал ее за плечо, но и это не дало желаемого результата, она не проснулась. Щукин пощекотал Веронику под мышками и пару раз довольно сильно дернул за волосы.

Никакой реакции.

– Вот ведь спит... – проворчал он и перешел к решительным действиям.

Он приподнялся на коленях и, приблизив свои губы к уху Вероники, громко гаркнул:

– Подъем!!!

Оглушительно свистнул и чувствительно ущипнул ее сильными пальцами за восхитительную задницу. Вероника лежала в той же позе, в какой Николай обнаружил ее, проснувшись.

– Слушай, – обиженно проговорил он, – если тебе хочется дурачиться, нашла бы для этого подходящее время. А у меня сейчас голова раскалывается и не хватает простого человеческого общения. Кстати, почему ты, красавица, на работу не пошла?

Николай шлепнул Веронику по плечу и, стараясь не обращать внимания на зашевелившееся у него в душе нехорошее чувство, рывком перевернул девушку на спину – лицом к себе.

Секунду он смотрел ей в лицо, а потом медленно сполз с кровати и потянулся к своим брюкам.

Похмельный дурман полностью вытряхнуло у него из головы.

– Вот так дела, – пробормотал он, – как же так получилось?

Одевшись, Щукин снова наклонился над Вероникой. Глаза ее были открыты и смотрели в потолок, между сведенных судорогой губ блестели белые зубы и черной горошиной вид-

нелся прикушенный кончик языка. Неподвижность и синюшный цвет лица говорили только об одном.

Никаких сомнений не оставалось. Вероника была мертва.

Тело ее – такое трепетное, нежное и горячее ночью – теперь было холодным и неодушевленным, словно предмет интерьера комнаты – стул или та же кровать. Щукин, полностью одетый – в костюме и ботинках, – сновал по квартире и, стараясь двигаться как можно тише, уничтожал следы своего пребывания.

Перво-наперво он протер влажной тряпкой все гладкие предметы, на которых мог оставить отпечатки своих пальцев. Протерев бутылку шампанского, Щукин поставил ее на место. Поднял фужер с пола, тщательно вымыл его и водрузил в сервант за стеклянную дверцу. Второй фужер вытер концом простыни и оставил на ночном столике. Подушку, на которой спал, положил в шкаф, потом остановился посреди комнаты, где на широкой кровати раскинулся труп женщины, и задумался.

Нет, он ничего не упустил. Осталось только протереть мертвое тело женщины, чтобы уничтожить возможные отпечатки пальцев, отыскать и спустить в унитаз использованный презерватив.

Только проделав все это и убедившись, что следов его пребывания в квартире больше не осталось, Щукин осторожно закрыл дверь в комнату, где находился труп, и присел на кухне.

Нет, он не был напуган. За свою бурную жизнь он не раз видел мертвые тела, ему самому приходилось убивать, поэтому смерти он не боялся – ни своей, ни чужой. Но...

Щукин был озадачен.

– Что же все-таки произошло? – пробормотал он. – Очень похоже на то, что она отравлена. Цвет лица и характерное выражение... Следов от удавки на шее нет. Да и кто мог пробраться в квартиру? Дверь заперта изнутри на замок – я проверял... Не я же ее все-таки убил...

Он поднялся и прошелся по кухне, щелкая пальцами.

– Отравлена, отравлена... – бормотал он, – кем? И каким образом? В ресторане? Не может быть. Когда мы с ней приехали сюда, ничего не ели. И не пили, кроме шампанского... Шампанское... Но ведь и я его пил. И нормально себя чувствую, если не считать похмелья... Нет, черт возьми, что-то здесь не так... Вполне вероятно, что это всего-навсего несчастный случай... Может быть, Вероника принимала на ночь какое-то лекарство и у нее на это лекарство была аллергия... А может, и не несчастный случай... Так или иначе, – решил Щукин, – оставаться в этой квартире мне нельзя.

Он направился было к входной двери, но на полдороге остановился. Прошел к бару, прихватил бутылку коньяка рукавом пиджака, чтобы не оставить отпечатков, налил себе рюмку. Так же держа рюмку завернутой в рукав рукой, посмотрел на закрытую дверь в комнату.

– Извини, – серьезно и печально сказал Николай, – если что не так было. Хорошая ты все-таки женщина... была...

И одним духом опрокинул в себя содержимое рюмки.

Через минуту в этой квартире Щукина уже не было.

Бутылка пива хоть и прояснила немного спекшиеся мозги, но желанного просветления не принесла.

Щукину пришлось снова идти в вокзальный буфет за очередной дозой прохладительного слабоалкогольного напитка.

«Итак, – вернувшись на свое место в зале ожидания, думал он, – билет я купил. На первый попавшийся поезд – чтобы только уехать подальше из этого чертова города. Конечно, вины моей в том, что Вероника погибла, нет – только косвенно, может быть, я виноват, но кто знает... В руки ментам попадешься, поди доказывай, что ты не верблюд. К тому же – за прошлые мои грешки меня прихватить могут. Но все-таки, все-таки... Что произошло? На этот счет могут быть только две версии – первая, я о ней уже думал, что Вероника отравилась сама и случайно.

Аллергия не аллергия, мало ли что на свете бывает. Версия вторая – Веронику кто-то отравил. Причем сделал это очень искусно – не оставил никаких следов и меня, кстати говоря, подставил. Но... Но как этот «кто-то» проник в квартиру, если дверь была заперта на щеколду изнутри. Я никого не впускал... кажется... Хотя помню мало из того, что было вечером. Вероника открыла кому-то дверь, пока я спал? Впустила человека, который напоил ее ядом? Бред какой-то... С другой стороны, она могла и не подозревать подвоха. Все-таки женщина. Но... Ее могли застрелить, зарезать, задушить в конце концов... Почему выбрали яд как средство уничтожения?..»

Щукин отпил глоток из бутылки и оглянулся. В зале ожидания, кажется, не курят. Выходить на перрон лень. К тому же там шныряют ментовские патрули. То документы проверяют у проезжающих, то бомжей шугают...

Так или иначе – лишний раз с ментами ручкаться не очень-то охота.

«Хотя документы у меня в порядке, – подумал Николай, – отличные документы, выданные на имя Маслова Арнольда Антоновича. Третий год пошел уже с тех пор, как Сенька Купец мне их замастырил. Ладно... документы документами, а дела творятся непонятные. На чем я остановился? Ага, яд... Почему именно яд? Очевидно, что опоить Веронику ядом мог только ее знакомый – человек, которому она доверяет. Так вот этот самый человек – падла двужопая – меня и подставил. Теперь такой вопрос остается – зачем он это сделал? Чтобы отвести подозрение от себя самого? Или убийство Вероники подстроено для того, чтобы именно меня подставить? Н-да... В любом случае ясно, что работал человек компетентный во всех отношениях. Ведь меня видел весь персонал «Золотого гребешка», не считая посетителей. Конечно, официанты на меня и укажут. И не вспомнят, гады, как столтники от меня глотали ни за что... Можно, естественно, если меня – не дай господь – мусора прихватят, насвистеть им, что я Веронику до дома проводил, а сам дальше бухать пошел... Не, в этом они наблатыканы – понимают, что если такой мужик, как я, с бабой в кабаке весь вечер бухал да бумажками разбрасывался, то с ней явно не в ладушки играть собирался. К тому же меня могли соседи видеть. А как известно всему миру, для хорошего соседа настучать – все равно что кусок колбасы съесть... Нет, Щукин Николай Владимирович, он же Валов Александр, он же Маслов Арнольд, он же Эдуард Бронштейн, он же... и тэ дэ, и тэ пэ... Нет, надо валить отсюда подобру-поздорову. Если Вероничку завалили за ее делишки какие-то, то мне до этого никакого дела нет, хоть и жаль бабу. А если кто-то ко мне подбирается и, чувствуется, делает это со всей душой и полным вдохновением, тогда тем более – пора уносить ноги. В этом городе я в полном говне, а если свалить успею, то... еще посмотрим, кто кого... А до чертова поезда еще целых полчаса осталось...»

На этой мысли пиво у Щукина закончилось. Несколько минут он раздумывал, не пойти ли еще за бутылочкой, но отказался от этого. В голове его уже основательно прояснело, а туманить себе мозги алкоголем в его нынешнем положении – дело последнее.

Тем не менее покурить следовало бы.

Николай поднялся с пластикового кресла и тут же боковым зрением заметил двух милиционеров, патрулирующих здание вокзала.

Служители закона направлялись явно в его сторону, поэтому Щукин решил лишний раз не испытывать судьбу, а переждать опасные минуты в общественном туалете – благо время для его посещения уже наступило.

Ничем не выказывая своего волнения, Николай сунул руки в карманы брюк и неторопливо отправился к лестнице, ведущей на первый ярус помещения железнодорожного вокзала.

* * *

«На том же месте в тот же час!» – редела музыка в вокзальных динамиках.

«Лучше бы мне оказаться в этот час в другом месте», – так подумал Шукин, когда услышал за своей спиной растягивающий слова голос:

– ...ское отделение, сержант Ивасев. Ваши документы, пожалуйста.

Очень надеясь, что эти слова относятся не к нему, по крайней мере сделав вид, будто не расслышал, Николай продолжал свой путь так же неторопливо.

– Гражданин!

Теперь Шукин не сомневался, к кому обращались, но не остановился и на этот раз, а повернулся только тогда, когда его схватили сзади за локоть.

– Глухой, что ли? – осведомился один из патрульных – немолодой старший лейтенант, на морщинистом лице которого было ясно написано, что ему уже не суждено дослужиться хотя бы до капитана.

– Извини, старлей, – осторожно высвобождая локоток, проговорил Николай, стараясь не обдать милиционера пивными парами, – не расслышал. Музыка орет.

– Документы, – хмуро повторил патрульный.

– Пожалуйста...

Шукин достал из кармана паспорт.

– Арнольд Антонович Маслов, – проговорил патрульный и посмотрел на Николая с такой мрачно-подозрительной миной, будто у того на лбу должны быть написаны настоящие имя-отчество-фамилия. – Приезжий?

– Прописка московская, – кивнул Шукин.

Старший лейтенант достал вложенный в паспорт билет и долго его изучал.

– Через полчаса уезжаю, – пояснил Шукин, – боюсь не успеть. Мне бы в сортир еще зайти...

– Успеешь, – буркнул старлей, снова погружаясь в изучение билета.

Шукин с тоской подумал о том, что все его деньги засунуты под обложку паспорта, который сейчас находится в руках милиционера. А милиционерам Шукин отчего-то привык не доверять. Может быть, оттого, что сам как-то три года отбывал срок в колонии общего режима под Самарой – и отбывал бы еще два года, не случись тогда амнистия. А может быть, по другой какой-то причине.

Молоденький сержантик Ивасев, который первым окликнул Шукина, очевидно, устав стоять без дела, подошел к Николаю поближе и деловито втянул розовыми, как у поросенка, ноздрями воздух.

– Выпили? – как-то даже доброжелательно осведомился он.

– Пива, – ответил Шукин. – Что, нельзя?

– Пива? – оживился старлей. – Так ты что – нетрезвый?

– Почему это – нетрезвый? – удивился Шукин. – Пивка попил... бутылку. Вы чего, мужики, из общества трезвости, что ли? И не пил я, а того... лечился.

– Лечился, – задумчиво проговорил старлей. – А где ты вчера гулял?

Предчувствие ледяной иглой кольнуло Шукина – он так ясно почувствовал холод под сердцем, что даже слегка передернул плечами.

– Вообще-то у друга на дне рождения, – сказал он, – а что? Какие-то странные вопросы.

Патрульные переглянулись, старлей переложил паспорт Шукина в левую руку, а правую отвел немного назад – туда, где у него в поясной кобуре висел пистолет. Николай посмотрел на кобуру и вдруг с особенной отчетливостью заметил, что она расстегнута – и, как он немедленно понял, расстегнута вовсе не из-за невнимательности милиционера.

«Так, – стукнуло у него в голове, – приехали... Недаром мне с самого начала показалась странной та настойчивость, с которой мусора ко мне привязались... Пасли? Уже ищут меня? Не могли они так быстро на меня выйти...»

Впрочем, теряться дальше в догадках не было ни смысла, ни времени. Милиционеры переглянулись, и Николай с точностью до миллионной доли секунды поймал тот момент, когда нужно было начинать действовать.

Он резко и сильно толкнул в грудь старлея – тот вскинул руки и, поскользнувшись на гладком мраморном вокзальном полу, рухнул навзничь. Сержант Ивасев, тоненько вскрикнув, схватился за свою кобуру – она у него тоже оказалась расстегнутой – и все тянул оттуда свой табельный пистолет, который неизвестно почему там застрял, не переставая вопить на весь вокзал тоненьким голосом:

– Караул! Милиция! Милиция! – как будто забыл о том, какие погоны у него на плечах.

Грузный старлей барахтался на гладком полу, пытаясь встать. Николай не стал смотреть – получится у него это или нет, – он рванулся изо всех сил и, начиная разбег, засветил локтем в лицо вопящему сержанту Ивасеву, который, рухнув на пол, немедленно заткнулся; его табельный пистолет вылетел из кобуры, с грохотом покатился к лестнице и застучал по ступенькам вниз – туда, куда побежал Николай Щукин.

* * *

Николай бежал по вокзалу, расталкивая прохожих, прыгнул в подземный переход и немного притормозил, перейдя на шаг. Впереди замаячил еще один патруль. Николай заозирался, стараясь не привлекать внимания отъезжающих-приезжающих. Заметил боковой проход и свернул туда. Поднялся на перрон, увидел только что подошедший поезд. Первой мыслью было – нырнуть в вагон, но на ступеньках стоял проводник, а билет Николая остался у патрульного мента, поэтому Николай быстрым шагом направился к толпе нагруженных чемоданами людей и смешался с ней.

Очень скоро Щукин покинул территорию вокзала. На первом же перекрестке он поймал левака и, как только сел в машину, вспомнил, что теперь у него нет ни денег, ни документов, ни даже билета, чтобы уехать из города, который еще вчера считал родным и привычным местом для отдыха.

Впрочем, какая-то мелочовка еще брякала на дне карманов.

«Бабки в паспорт сунул, – с досады кусая губы, думал Николай, – ффраерюга позорный... Кто так делает? Так только базарные бабки делают и лохи деревенские, которые свои гроши от карманников прячут... В паспортах-то, кстати, вернее всего и смотреть... поэтому паспорта и тырят у таких носорогов, а потом, выпотрошив, в урны бросают... Или черножопым толкают на первом же рынке... Ч-черт, в дерьме я по самые уши...»

– Куда везти-то? – спросил водила – дряхлый старичок, очень похожий в своей громадной клетчатой кепке на гриб мухомор.

– Куда везти?..

«А куда мне ехать? – подумал Николай. – Были бы бабки, все было бы легче легкого – выбрался бы за город, а там тачку поймал и... ищи ветра в поле. В Питер пробрался бы – здесь недалеко, а там у меня знакомства кое-какие есть. Наладил бы документы, то-се... Хотя и без бабок можно свалить в Питер. Что я – водилу не убазарю, что ли? Это в городе возят за деньги, а на трассе можно и за так... Правда, костюмчик у меня не похож на одежду путешественника, да и вещей нет... А жрать хочется... Л-ладно... Мало ли что случается в этой жизни...»

– На Северную Пустошь вези, – скомандовал Николай, вспомнив название окраинного района города, – знаешь?

– Ага, – кивнул старичок, – как не знать – шестой десяток лет езжу. Стольничек бы...

– Сколько? – возмутился Щукин. – Да туда больше полтинника никогда не брали!

– Может быть, когда-то и не брали, – флегматично ответил мухомор, – а сейчас другие расценки. Стольник.

– Полтинник.

Старичок, очевидно, решив не вступать больше в дискуссии, сбросил скорость и свернул к обочине.

– Будешь платить или нет? – осведомился он. – За полтинник не повезу. Нашел дурака – шестой десяток ездю, таких смешных цен не видел.

– Заплачу, – проговорил Николай, – поехали...

Старичок молча вывернул руль и выровнял машину на полосе.

Щукин тряхнул головой и усмехнулся.

«А чего я паникую на самом-то деле? – подумал он вдруг. – Мало ли в каких я переделках не бывал... Подумаешь, фон барон какой – вчера бабками разбрасывался, а сейчас за сто рванных повелся... Нехорошо... А за проезд я все-таки заплачу. Совесть пассажира, как говорится, лучший контролер. Но и старого за скряжничество наказать надо. Шестой десяток он ездит... А ума не нажил. Посмотрим...»

– Закурить не будет? – спросил Николай у мухомора.

– Не школьник, – пропыхтел старик, – свои иметь надо...

Но все-таки, не отрывая взгляда от дороги, полез в боковой карман куртки, покопался там и достал початую пачку сигарет «Прима».

– Рабоче-крестьянские, – сказал он, протягивая пачку Николаю, – куришь такие?

– А как же?! – усмехнулся Щукин. – Такую прелесть и не курить...

«Ништяк, – подумал, внимательно проследив за тем, как старик тщательно застегнул карман куртки, хотя Николай еще не отдал ему его пачку, – бумажник-то в кармане... Вместе с куревом бабки держит – прижимистый типчик, больше стреляет, чем свои курит, лишний раз за сигаретами в застегнутый карман не полезет. Удивляюсь, как он меня угостил... В счет обещанного стольника? Ага, сейчас... Пусть тебе, куркуль, Европа гуманитарную помощь таранит, а я не Организация Объединенных Наций...»

Старичок-мухомор искоса глянул на дорогой костюм Щукина, но ничего не сказал.

Николай ловко вытащил сигаретку и ткнул пальцем в провалившуюся кнопочку прикуривателя, а через минуту, когда прикуриватель выскочил из пазы, подхватил его и поднес к сигарете, прикурил и, внезапно взвывая, уронил прикуриватель между сиденьями.

– Лови его, лови! – закричал старичок, будто увидел огромную мышь в своем автомобиле. – Лови, а то сиденье прожжет!

Но Щукин уже наклонился в сторону старичка и, пошарив рукой под сиденьем, извлек прикуриватель.

– Все в порядке, – констатировал он, пыхнув сигареткой, – пожар ликвидирован в зародыше.

– Баламут, – проворчал старик, вставляя прикуриватель в родной паз, – только и ездить с такими...

Щукин снова усмехнулся и опустил стекло, чтобы выпустить наружу серый дым грубой сигареты. А когда старичок-мухомор отвлекся на светофоре, переложил из рукава во внутренний карман небольшой, но туго набитый бумажник, который стырил у старика из кармана, когда шарил между сиденьями в поисках сбежавшего прикуривателя.

* * *

Щукин шагал по разбитой асфальтовой дороге Северной Пустоши. Вредный старик высадил его за добрый километр от предполагаемого места доставки, объяснив свой поступок тем, что на такой раздолбанной дороге добывать и так помирающую тачку из-за ста рублей не собирается.

«Хрен тебе, а не стольник», – мстительно подумал Щукин.

Он расплатился со стариком-мухомором, достав из его же собственного бумажника две купюры достоинством по сто рублей каждая. Одну он отдал старику, а вторую положил в свой карман. Плотный набитый бумажник же Шукин незаметно бросил под сиденье – не в его правилах было грабить стариков, пусть даже таких вредных, как этот мухомор.

Настроение Шукина несколько улучшилось. Весеннее солнце светило ярко и грело уже по-настоящему – так, что хотелось скинуть пиджак и тесные туфли и пройти босиком по теплой земле. В кармане Николая хрустела сотня, а неизвестность будущего совсем не пугала его. Главное, что он был живой и невредимый – и на свободе, а такие вещи он привык ценить пуще материального благополучия, значение которого многим людям свойственно преувеличивать.

А зачем?

Деньги – штука зыбкая, и Шукин понимал это лучше кого бы то ни было. Главное в жизни – свобода и независимость, а независимость – это возможность самому определять свои предстоящие поступки; именно так Николай Шукин и поступал всю свою не очень долгую, но чрезвычайно насыщенную различными событиями жизнь.

* * *

Родители Шукина выросли и сформировались в эпоху советской власти – со всеми вытекающими последствиями. Николай почти с самого своего рождения уяснил, что какие бы то ни было идеалы – коммунистические или демократические – просто-напросто удобная ширма для удовлетворения собственных потребностей. Тогда зачем лицемерить и прикрываться какими-то высшими задачами, если ставишь перед собой задачу прямую и совершенно конкретную – обеспечить себе сносное существование. Николай прекрасно понимал, что все, творящееся в мире, дело рук людей, таких же, как он сам, и поэтому самое лучшее для человека не пытаться соответствовать определенным кем-то для кого-то стандартам, ведь никто не может построить твою судьбу, кроме тебя самого.

Такой сугубо практический подход к жизни органично переплетался в системе мироощущения Шукина с буйным полетом его фантазии и непреодолимой тягой к острым ощущениям.

После школы Николай пытался поступить в институт, но провалил экзамены, и ему не оставалось ничего другого, как пойти служить в армию. Он не ставил себе задачи каким-то образом откосить, ибо решил, что знания, которые он смог бы получить в институте, легко можно заменить тем опытом, какой наверняка появится у него после прохождения армейской службы.

И оказался прав.

Благодаря прекрасным физическим данным Николай получил направление на службу в разведроту одной из частей внутренних войск. Там его обучили искусству маскировки – всевозможным способам изменять собственную внешность, взрывным работам, различным методам проникновения в закрытые помещения, стрельбе и мастерству рукопашного боя. Все, чему его научили в армии, Шукин незамедлительно нашел применение на гражданке – он побывал в шкуре «брatка», работая на своего приятеля детства, который в то время активно и довольно успешно занимался рэкeтoм. Но через некоторое время Николай решил, что жизнь братвы не для него, и вышел из дела, прихватив с собой всю общаковскую кассу.

Конечно, после этого Шукину пришлось вести преимущественно кочевой образ жизни, мотаясь по стране, заводя новые знакомства и подыскивая новые жертвы, но, как оказалось, это было то, чего он всю жизнь желал. Как раз с этого периода, собственно, началась его деловая биография.

Только вот спустя примерно год с того момента, как Николай Шукин стал вольной птицей, с ним произошло то, после чего он потерял веру в любовь и свободу – на три года, – зато

приобрел полезные связи в блатном мире, кучу бесценного жизненного опыта и бесконечно циничное отношение к окружающей действительности.

Впрочем, о том случае, приведшем его на тюремные нары, Николай вспоминать не любил.

Глава 4

Им пришлось дожидаться рассвета, чтобы въехать в Санкт-Петербург, миновав неизбежный пост КПП ГИБДД. Ведь раннее утро, как известно, самое благоприятное время для такого рода мероприятия – невыспавшиеся менты невнимательны еще и потому, что с рассветом не нужно вести утомительные процедуры регистрации для въезжающих.

Тем не менее Филин и Петя Злой заметно побледнели, когда впереди в запыленном пространстве лобового стекла вырос в синей утренней дымке контрольно-пропускной пункт дорожной инспекции. Семен же молчал, и что он чувствовал, когда джип проходил обязательный досмотр, никому не было известно.

Когда джип оказался в городской черте, Семен тут же позвонил по мобильнику человеку, которому в день отъезда из «Орлиного гнезда» посредством телефонного разговора рекомендовал его Седой, и уже через полтора часа джип стоял в подземном гараже одной из питерских многоэтажек, а Семен и его подручные сидели в близлежащем кабаке, отмечая все-таки состоявшийся въезд в город.

– До вечера подождем, – проговорил Семен, со стуком поставив пивную кружку на полированную поверхность столика. – Мне Кислый звонил – сказал, они уже на подходе, вроде все нормально у них, никакого шухера.

– Кислый во второй машине? – спросил Филин, обсасывая багровую рачью клешню.

Семен кивнул.

– А третья?

Семен вытер руки об узорчатую салфетку, предназначенную вообще-то для украшения столика, и полез во внутренний карман за телефоном.

– Я Сивого назначил за главного, – сообщил он, вертя в руках телефон, – Сивый себя сейчас виноватым чувствует, вот и лезет из кожи вон, чтобы доказать, что он еще... кое-что петрит в делах. Люди в таком состоянии – самые надежные. Вот Седой... – Семен понизил голос, – мне рассказывал про то, как у него по молодости – когда меня еще участковый из подвалов за уши вытаскивал – банда была. Так он часто специально сам своих ребят подставлял, а потом наезжал на них, чтобы они, чувствуя за собой вину и грех, пытались все это дело искупить. Понял? Психология.

– Да херня эта психология вся, – глотнув пива, выразился Петя Злой, – просто «братков» надо в ежовых варежках держать. Чтобы они не ширялись, не бухали и за бабами не очень-то бегали... И время от времени кого-нибудь лично мудохать. А Седой в этом плане... Я понимаю, что завалить кого-нибудь – ему по понятиям стремно, но перед пацанами надо пару раз хоть в нюхальник кого-то двинуть или еще чего в этом же роде. А то братва – я слышал – начинает Седого воспринимать уже как старика... Нет, все его уважают, и слово Седого – закон, но...

– Старик! – возмущенно пропыхтел Семен. – Думай, что базаришь! Попробуй с ним один на один выйти – он тебя в первую секунду уделает.

– Да я и не спорю, просто... – Петя Злой поднял руки, как будто собирался сдаваться в плен.

– Чего – просто?! – раздраженно перебил его Семен. – Тебя, Петя, один лишь раз прихватили – когда ты только школу закончил. Да и то по хулиганке – месяц в СИЗО отдохнул, а потом домой, условняк каждый день у участкового отмечать. Конечно, СИЗО – школа хорошая, но чтобы все понятия реально сечь, надо не только СИЗО, но и зону пройти. И не один раз. Понял?

Петя неопределенно пожал плечами.

– А если не понимаешь, то молчи!

Семен принялся было набирать номер на мобильнике, но запутался в цифрах и швырнул телефон на столик. Было видно, что он сильно раздражен.

– Никаких понятий для вас нету, – проговорил он, наливая себе в кружку еще пива, – молодых да быстрых. А раз человек в понятиях не разбирается, то далеко не уйдет. В лучшем случае бригадиром будет у таких же, как он, отмороженных. Понимаете? На воровских понятиях вся страна держится! Вся Россия! Это посильнее всяких законов будет! Понимаете?

– Ну уж и вся Россия, – осторожно проговорил Филин, – ты чего-то того... хватил. Я знаю, конечно, что всякий, у кого лопатник от бабок ломится, может в политику пролезть и страной управлять, но чтобы вся страна...

– А ты в любой двор зайди, подойди к мужикам, которые в домино играют или там... портвейн пьют – да расспроси получше. Они тебе складнее любого законника с десятью ходками все понятия разложат. У нас ведь какая страна – каждый второй хоть раз, да побывал на зоне... Я про Москву не говорю, я ее плохо знаю, но в моем родном Омске – как? Курицу у бабки спер – она на тебя заяву киданула. Прибежали двадцать мусоров с автоматами, тебя скрутили – и в камеру. А потом следователь, радостный от того, что на его счету будет еще одно раскрытое дело и он на тринадцатую зарплату сможет позволить себе воскресный поход в бар с женой, от этой самой радости тебе еще и изнасилование старушки пришьет и сундук с драгоценностями выдумает, местонахождение которого ты якобы под пытками у старой узнал, откопал и в Турцию продал, купив на вырученные деньги паленой водьяры и напоив ею соседа, третьего дня отчего-то подошедшего в своей комнатухе... Не ты ли и его заодно? А к тому времени и старушка от старости кончится – и ее на тебя повесят и напишут, что умерла от ран, полученных при пытках... И следаку – премия... И пойдешь ты в лагерь, как злобный рецидивист и маньяк. Видал я таких рецидивистов. У него срок, как у Чикатило, а он тараканов боится, которые по нам бегают...

Семен перевел дух и двумя гигантскими глотками высосал кружку.

– Ты к чему это? – поинтересовался Филин.

– А к тому, – отдуваясь, проговорил Семен, – чтобы вы, падлы, поняли... Можно за цыпленка всю жизнь срок мотать и человеком остаться, а можно два вагона золота украсть, один себе оставить, а другой ментам подарить – и через два года уже в Государственной думе заседать... Жопу жирную просиживать. Понятия, они ведь выдуманы не для того, чтобы козырять ими. А чтобы по совести жить. Не по такой совести, которую там священники выдумали или народные депутаты с президентом, а... Короче, понятно. И чтобы разговоров этих я больше не слышал! – повысил голос Семен. – Седой – то, Седой – се... Он всю жизнь правильно прожил, а вы только сопли под носом утерли и уже беретесь учить его. Усекли, братцы?

Петя и Филин покивали.

Семен поднял со стола телефон и набрал-таки номер.

– Алло, – проговорил он, – Сивый? Семен на связи. Как у вас там? Где вы? Что?

Семен на минуту замолчал, и лицо его просветлело.

– Вот это другое дело, – довольно сказал он, – это другой разговор. А вторая машина? Звонили?... Отлично. Помните, где встреча назначена? Вас там уже ждут. А потом сразу сюда... В бар... Как он называется? – прикрыв ладонью телефонный динамик, спросил Семен, обращаясь к сидящим с ним за столом поделщикам.

– «Едальня-наливальня у Пяти углов», – сказал Филин.

– «У Пяти углов», – проговорил Семен в трубку, – «Едальня-наливальня» какая-то... Тут на витринах всякие картинки намалеваны прикольные – не ошибетесь. Мужики через забор лезут, а один ссыт... Чего? Да это картинки на витринах такие, а не... Не я же рисовал... Ну, понятно, короче? Ага, давай, отбой. До связи. Все в порядке, – сообщил Семен, отключая телефон, – все путем. Они через КП проскочили. Сивый мусору даже сто баксов сунул... – Семен засмеялся, – грехи свои замаливает перед родной ГИБДД. И вторая тачка тоже в городе

уже. Так что первая часть плана прошла хорошо... То есть – приемлемо, могло бы и лучше быть, без приключений.

– Без приключений редко когда бывает, – сказал развеселившийся тоже Петя.

– Это точно, – поддакнул Филин, – вот, помню, у меня день был как-то раз неудачный. С самого утра и до вечера. Утром тачку стукнул, «шестерку» какую-то протаранил, да еще и старушку зацепил. Этот лох, который на «шестерке» был, сразу развернулся и уехал, только я его и видел, а номера запомнить не успел – я вообще-то пьяный был. Так что на свои бабки пришлось мне тачану латать. А старуха, которую зацепил, вообще круто отмазалась – в больничке с концами перекинулась... Не утро, а одни убытки. Хорошо еще, что мусора не успели подъехать. Ладно... Зато они вечером меня цапнули. Причем, падлы такие, совсем ни за что. Иду пешком – тачану-то грохнул, вижу – кошелек на дороге, ну, я и поднял его сдуру. А в кошельке ничего нету, только патрон. И тут мусора откуда ни возьмись – патруль. Ваши документы, а что это за кошелек? Ага, гад, патрон в кошельке носишь!!! Хранение оружия! Я только потом догадался, что они сами, уроды сраные, кошелек-то подкинули. Они план таким образом выполняют, чтобы премии не лишиться и звание очередное получить. Ну, отмазался я, конечно, – пока меня везли, успел по мобиле адвокату звякнуть... А уж тот меня через два часа вытащил. И ведь что самое смешное – при мне тогда «ствол» был и две обоймы. А на «стволе» мокруха висит! Мусора меня даже не обыскивали – как кошелек увидели, так и обрадовались, в отдел поволокли. А там адвокат подъехал, все дела... Разбираться начали, даже до обезьянника не дошло... Вот такой денек был. А вот я еще вспомнил...

– погоди, – прервал Семен Филина, разохотившегося рассказать очередную историю, которых у того было бесчисленное количество. – Надо Седому звякнуть – отчитаться. Порадовать старика, сказать, что, несмотря ни на что, все-таки доехали до Питера. А потом надо это самое...

– Что? – не понял Петя Злой.

– Отметить приезд, – пояснил Семен, – не сильно, конечно, но бутылочку мы имеем право раздавить. Так или не так я говорю?

– Так, – сказал Петя Злой.

– Так, – сказал Филин.

* * *

Как Щукину ни хотелось поскорее выбраться из злосчастного города, с утра мучивший его голод все-таки оказался сильнее. К тому же нужно было хоть немного передохнуть после очередного крутого поворота событий и подумать, прибавив к и так значительному грузу тяжелых раздумий еще одну загадку.

Повернув на одну из грязных окраинных улиц, Николай увидел полуподвальное помещение, на двери которого красовалась табличка «Кафе».

«Зайду», – решил Николай.

Через несколько минут он уже сидел за шатким пластиковым столиком и глотал дрянной кофе, запивая им чахлые сосиски, политые красно-коричневой бурдой, которая в меню пышно именовалась кетчупом «Особым». В чем заключалась особенность кетчупа, Щукин не понял, но предположил, что в затхлом вкусе, напоминающем вкус несвежих помидоров.

«Итак, – меланхолично жуя, размышлял Щукин, – менты реально шли на меня. Хотели меня брать, но, чтобы драка не завязалась в людном месте, решили подделаться под обычную проверку документов. Понимали, что я сопротивляться буду, зная о возможном наказании, – ведь мне статья за преднамеренное убийство светит. Да еще и изнасилование пришили бы. Гондон-то я выбросил, но эксперты все равно докажут, что я Веронику того самого... Ч-черт, кто же меня так настойчиво пытается подставить, а? Не жалея ни сил, ни средств... Интересно,

кто? Врагов-то у меня много, и большинство желают мне смерти, причем надеясь, что перед кончиной я буду мучиться».

Тут размышления Николая были прерваны звучным:

– Привет!

Щукин поднял голову и увидел стоящего перед ним низенького и толстенького человечка с ленинской лысиной и лоснящимся лицом, сияющим радостью. Остатки волос толстяка были седовато-серыми, как старая половая тряпка.

– Здорово, – неприветливо ответил Щукин, – извини, братан, что-то я тебя не узнаю...

– Не узнаешь? – поразился толстячок, без приглашения бухаясь на стул рядом со стулом Щукина. – Да ты чего, Колян, опух? Я же Толик Лажечников... Ну, помнишь? Мы с тобой под Самарой одни нары утюжили... Во!

Толстячок до плеча закатал рукав свободно висящего на его жирном теле свитера, обнажив волосатую руку, на которой видна была давняя татуировка – ухмыляющийся черт с широкой ленточкой на рогах. На ленточке можно было прочесть надпись «Самарская ИТК, 19... – 19... гг.».

– Теперь вспомнил? – осведомился толстячок.

– Нет, – буркнул Щукин, – извини.

– Ну ты даешь! – хихикнул толстячок и почесал лысину. – У тебя что – память отшибло, а?

* * *

Память у Щукина не отшибло. Он прекрасно помнил этого самого Лажечникова и узнал его, как только взглянул на его лицо.

Анатолий Сергеевич Лажечников, или просто – Толя Ляжечка, начинал свою трудовую карьеру, работая фарцовщиком. Он, коренной москвич и потомственный интеллигент (папа – историк, профессор Московского университета, мама – довольно известная в то время балерина), еще со школы усвоил твердую истину – честным трудом добыть себе средства на сносное существование невозможно. Папа Ляжечки, например, подрабатывал тем, что за большие деньги писал кандидатские и докторские диссертации партийным деятелям, не особенно при этом напрягаясь, – какой же выживший из ума ученый пенек будет валить на защите секретаря комсомольской организации или университетского партийного организатора? А мама, будучи в силу особенностей своей профессии красивой и стройной до сорока восьми лет, когда она попала в больницу с почками и с тех пор стала с катастрофической быстротой толстеть, днем и ночью пропадала на репетициях и дома появлялась чаще всего в первой половине дня с огромными букетами цветов и картонными ящиками шампанского. Папа-профессор на это закрывал глаза, считая, видимо, поведение жены исторической необходимостью, обусловленной влиянием среды, – потому что среди поклонников маминого творчества встречались и партийные функционеры, люди в те годы довольно влиятельные и папой чрезвычайно уважаемые.

К тому же, кроме цветов и шампанского, маме дарили и шубы, и заграничную бытовую технику, и мебель, и предметы старины, не говоря уже о дефицитных продуктах, которые ни в одном общедоступном магазине купить было нельзя. Поэтому-то никто особенно не удивился, когда юного Лажечникова в один прекрасный день прямо из школы увезли в милицейском воронке. Как выяснилось позже, Толя вместе с двумя-тремя приятелями ошивался возле гостиниц, где жили интуристы, и, дождавшись на улице какого-нибудь представителя загнивающей капиталистической страны, предлагал ему в обмен на заграничные шмотки и безделушки традиционные русские сувениры или просто деньги. Со временем бизнес Толика начал процветать, потому что наладились постоянные торговые связи, и товаров, среди которых преобла-

дали пластинки с записями иностранных групп и глянцевого мужские журналы с неприличным содержанием, стало столько, что переполненные ящики не умещались в Толиной комнате.

Но, как это часто бывает, став вполне обеспеченным молодым человеком, Толик не убега от неизбежного «стука» со стороны одноклассников и загремел в колонию с целым букетом статей, среди которых была и статья за хранение и распространение порнографии.

Так что школу Толик оканчивал за колючей проволокой, а родители его пытались опраться от полной конфискации, опустошившей их благоустроенную квартиру.

Отсидев положенный срок, Толик вышел на свободу, явился с покаянной головой к папе, и тот, поломавшись немного, устроил сына, только что отмотавшего три с половиной года за спекуляцию, на торговый факультет экономического института – Толик Лажечников решил связать свою жизнь с коммерцией.

И связал. С той поры и до нынешних дней он с переменным успехом занимался разного рода бизнесом, время от времени получая небольшие сроки за экономические преступления и тому подобную ерунду. В конце концов он как-то раз крупно погорел (впарил одной североафриканской республике партию черной икры, оказавшейся обыкновенным гуталином, а удивительно настырный представитель руководства страны дозвонился-таки до Российского правительства и потребовал разобраться, в противном случае пригрозив отнести аферу к разряду агрессивных акций, направленных на геноцид чернокожего населения, и стукнуть в ООН). Российское правительство дало указание ФСБ, и те в два счета нашли Ляжечку. Вот тут-то и начинался тот самый период биографии Ляжечки, прекрасно зная о котором Щукин не пожелал Ляжечку узнавать.

Дело в том, что за проданный под видом черной икры гуталин срок полагался не особенно большой, но в ходе расследования вскрылось такое количество темных делишек Ляжечки, что последнему реально грозила опасность провести за решеткой всю оставшуюся жизнь.

Но, порядком помариновавшись на предварительном следствии, Ляжечка получил всего-навсего три года, год из которых он отсидел в СИЗО, и со спокойной душой поехал в лагерь под Самару.

Почему срок он получил ничтожно малый и почему в кабинет к следователю именно в те часы, когда допрашивали Ляжечку, то и дело шныряли представители Федеральной службы безопасности, понять было несложно, и на зоне, где ни от кого никаких секретов быть не может, Ляжечку сразу отнесли в разряд «сук» – воров, продавших властям и работавших на лагерную администрацию.

Но трогать Ляжечку побаивались – все-таки он, скорее всего, ходил под «крышей» федералов.

«И чего ему от меня надо? – мрачно подумал Щукин, поедая сосиски и боковым зрением рассматривая радостно треплущегося о чем-то незначительном Ляжечку. – В лагере в друзья набивался и теперь вот... Двинуть, что ли, ему по жирному рылу и... Да нет, крик подымется, а я еще не доел. И кофе не допил...»

– А я тебя сразу узнал, – радостно болтал Ляжечка, – нисколько не изменился. Ха-ха... А помнишь, как в нашем отряде стукача Сапронова наказали? Приколотили его мошонку гвоздем к нарам. Он бы и рад побежать накапать на всех, а не может – муде-то болит! Так и сидел, пока вертухаи с вечерней поверкой не пришли! Помнишь?

– Помню, – кивнул Щукин, – помню, конечно. И тебя точно так же хотели наказать, но как-то... не пришлось.

Ляжечка сразу осекся, но через мгновение уже снова овладел собой.

– Да... – жиденько посмеялся он, – было дело... А что это ты жрешь? Фуфло какое-то... Сейчас я шашлычка закажу, бутылочку...

– Я не пью, – неприятно поморщился Щукин.

– Ну да! – хохотнул Ляжечка. – От тебя за версту перегаром разит! Не пьет он... Вот что я тебе скажу, Колян... – Ляжечка вдруг понизил голос до шепота и оглянулся вокруг, хотя кафе было почти пустым. – Ты, конечно, догадывался, что я на зоне того... под мусорами ходил. Да. Теперь честно хочу сказать – ходил. Был вынужден. Меня сломали на предварилровке. А знаешь, как меня ломали, а? Знаешь, как чекисты ломать умеют, а? Они, падлы, отца моего старенького притащили к следаку – типа на очную ставку. Он жалкий такой сидит, седой весь, руки трясутся. Пять минут посидел, ни слова не сказал, а потом его вывели. И мне говорят – видел? Хочешь, чтобы завтра же он соучастником по твоему делу пошел? Ведь на его квартире два ящика гуталина нашли – я ему тогда притаранил, потому что у себя хранить уже негде было... Что мне было делать, а? Вот скажи, что бы ты сделал в таком случае, а?

Щукин пожал плечами.

– То-то, – цокнул языком Ляжечка. – А я пошел на договоры с легавыми только потому, что выжить хотел. Знаешь, сколько мне светило? Ну и план у меня был... Хочешь узнать какой?

– Нет, – ответил Щукин и отправил в рот очередную сосиску.

– А я тебе все равно скажу...

– Слушай, Толик, – сказал Щукин, в упор посмотрев на Ляжечку, – шел бы ты своей дорогой, а? А я своей. Не по пути нам с тобой, Ляжечка, понял?

Ляжечка сглотнул, несколько минут сидел молча, наблюдая за тем, как Щукин поглощает сосиски.

– Знаешь, почему я не в Москве? – спросил он вдруг у Щукина.

Тот промолчал, увлеченный очередным ломтиком колбасного изделия.

– Ну, спроси меня, почему я не в Москве?

– Пошел ты...

– А потому, – низко наклонившись к Щукину, проговорил Ляжечка, – что свалил я оттуда, понял? Сбросил мусоров с «хвоста» и удрал. Сюда, подальше от центра. Они ведь, гады, мне что предложили... Предложили под прикрытием работать. Ну, это знаешь – внедряешься по старому знакомству в какую-нибудь ОПГ, разнохиваешь там все, цепляешь все связи, все нужные документы, накручиваешь братву на дело и бежишь к своему связному... Тот звонит куда надо и – чик. Всю ОПГ в полном составе берут мусора и крутят на полную катушку, имея на руках все собранные мною сведения. Круто? Только я подумал, подумал и решил унести ноги подобру-поздорову. Человек я немолодой уже и такой нервной работой заниматься не могу. К тому же, скажу тебе честно, претит мне на мусоров работать... – Ляжечка постучал себя ребром ладони по горлу. – Во как претит, – сказал он, – сил нет никаких. Короче говоря, в розыск меня объявили, – печально закончил он. – Не веришь, можешь в ментовку зайти, справиться.

«Ага, – подумал Щукин, – туда мне только и дорога. Зайду, спрошу у мусоров: простите, вы не подскажете, такой-то не находится ли в федеральном розыске? А они мне – что-то и ваша рожа, гражданин, нам кого-то напоминает. А посидите-ка пока в камере, а мы вспомним... Да и вообще, какое мне дело до этого Ляжечки? Чего он ко мне привязался?»

– Не веришь... – вздохнул Ляжечка и понурил голову. – А я думал, вот хоть знакомого встречу, поговорю, душу отведу... Скрываюсь тут второй месяц, как пес... И ни одного знакомого лица. Только от ментовских околышей прыгаю по кустам...

– Ляжечка, – прожевав, проговорил Щукин, строго и холодно глядя поверх лысой головы собеседника.

– А?

– Хочу тебе тоже кое-что сказать.

– Да? – обрадовался Ляжечка. – Что?

– Я с детства страдаю плохим пищеварением, – сообщил Николай, вертя в руках металлическую вилку, – и есть у моего организма одна особенность, не изученная еще докторами...

– Какая это? – заинтересовался Ляжечка.

– Принимать пищу я должен в тишине и спокойствии, – ровно продолжал Щукин, – а если какая падла мне помешает, то у меня в мозгу затемнение выходит и я могу эту падлу запороть. Понял? И ничего мне за это не будет, потому что у меня справка есть.

Ляжечка открыл рот, испуганно посмотрел на Николая и, дернув губой, неуверенно захихикал.

– Шутишь? – вопросительно проговорил он.

Щукин с самым серьезным видом прикинул у себя на руке вилку.

– Ладно, – поднялся Ляжечка, – доедай, я сейчас. Распоряжусь насчет шашлычка и бутылочки... Колбаска, сырок, пиво... Сухарики, хуе-мое... К тому же, Колян, у меня к тебе есть дельце... Хе-хе... Дельце очень прибыльное и почти безопасное. Только вот один я, боюсь, не справлюсь. Подмогнешь?

– Не собираюсь, – ответил Щукин, тем не менее оставаясь сидеть на своем месте.

– Да это просто удача, что я тебя здесь встретил! – всплеснул руками Ляжечка, словно от самого неподдельного счастья. – Ты себе представить не можешь, как мне херово здесь! Ни одного знакомого лица, постоянно прятаться приходится... Вылезаю только в этот кабак, и все. А тут тихо, хорошо на Северной Пустоши. Мусора не гуляют, патрули не чаще чем раз в месяц – по большим праздникам, кирнутых собирают. Ну а я в таких случаях из своей норы не вылезаю – дураков нет. На нарах париться я больше не собираюсь.

– Слушай, – спросил вдруг Николай, – а откуда бабки у тебя? Ведь ты, как я понимаю, сейчас на дно ушел? В одиночку ты не работаешь, я знаю... Тебе, для того чтобы хоть какое-то бабло поднять, надо замутить подлянку типа липового акционерного общества или на худой конец фирмы по реализации смазки для гондонов.

– Обижаешь! – развел руками Ляжечка. – А старые накопления? Я ведь тертая росوماха – у меня, кроме подкожного жирка, еще кое-какая бациллешка имеется. Первое правило честного человека – натереть побольше, чтобы побольше себе на черный день отложить.

– Понятно, – усмехнулся Щукин и профессиональным взглядом ощупал карманы Ляжечки.

Николай и сам не понял, почему он не ушел тогда – когда Ляжечка сутился насчет водки, шашлыка и прочего. Наверное, потому, что трепотня Толика про его отрыв от федералов казалась вполне вероятной, да и грязное кафе было вроде бы местом вполне безопасным, куда редко заглядывает милиция. А может быть, Николаю хотелось еще немного отдохнуть перед долгой и, судя по всему, трудной дорогой, а скорее всего, им снова овладел бес, сидящий в нем с рождения и требующий все новых острых ощущений.

Да и деньги Щукину нужны были, а Ляжечка вроде был при деньгах. Кто знает, как повернется дело дальше, – может быть, представится возможность маленько облегчить кошельки Толика.

В общем, Щукин остался в кафе.

Нет, это не означало, что он так легко согласился выслушать предложение Ляжечки... Просто... Сосиски были еще не доедены, да и не хватило бы их для окончательного насыщения, а сниматься с места только из-за того, что в кафе присутствует человек, который тебе неприятен, Щукин не собирался. Он за последние сутки и так порядочно побегал, то от милиции, то от неведомого кого-то, который явно наступал ему на пятки, а снова убежать – да еще от такого ничтожного существа, как Лажечников... Нет, Щукин себя уважал.

Глава 5

– А дельце простое, – сипел в ухо Щукина Ляжечка, – надо помочь одним достойным людям перевезти кое-кого... недалеко – в Швецию.

– Достойные люди – это кто? – жуя шашлык, осведомился Щукин. – Мусора, что ли? Или федералы?

– Да ты что! – возмутился Ляжечка. – Я же тебе говорил – я в розыске! Какие могут быть мусора!

«Между прочим, – подумал Щукин, – похоже, этот придурок не врет. Ведь проверить, в розыске он или нет, проще простого. Другое дело, что я этого не смогу, меня самого менты гоняют, как крысу в подвале, но Ляжечке-то откуда это знать?»

– Ну, так что за люди? – снова поинтересовался Щукин.

– Я и сам, честно говоря, не знаю, – сокрушенно ответил Ляжечка. – Понимаешь ведь – меньше знаешь, крепче спишь. Просто позвонили, просили помочь. Рекомендации передали через моих старых знакомых – тех, кому я не поверить не могу. Я потом звонил, выяснял – все нормально. Мои заказчики – люди серьезные и верные. К мусорам или федералам никакого отношения не имеют.

Щукин хмыкнул.

– Что? – снова спросил Ляжечка. – Все не веришь?

– Не верь. Не бойся. Не проси, – напомнил Щукин своему собеседнику нерушимые тюремные правила.

Тот рассмеялся.

– Ну, ты же не на зоне сейчас, – сказал он, – какой-то ты... Слишком подозрительный. Я вот тебе доверился, а ведь у меня гарантии нет, что ты сейчас не пойдешь и мусорам меня не сдашь...

– Ну, ты!..

Щукин даже поперхнулся.

– Думай, что говоришь! – рявкнул он на съездившегося Ляжечку. – Я тебе не мусорская сука, а честный вор! Это вот ты у нас, – добавил Николай, – не знамо чья с улицы Ильича...

Ляжечка помедлил немного, разлил по стаканам водку и заговорил снова:

– В принципе дело плевое, – шептал он на ухо Щукину, постоянно оглядываясь, – тут только... надо хватку иметь такую, как у тебя, чтобы незаметно провезти... того, кого надо... через границу. Я согласен выступить в роли организатора. А бабки после поделим. Я тебе тридцать процентов отдам.

Щукин опрокинул стопку и, прищурившись, посмотрел на Ляжечку.

– Хитрый ты жук, – констатировал он.

Ляжечка довольно захихикал.

– Хоть волосенки-то у меня выпали, но умишко еще остался, – сказал он, погладив себя по лысой голове. – Так ты согласен, Колян? Тридцать процентов от всей суммы – это бешеные бабки.

Щукин неопределенно пожал плечами.

– Ну, насчет процентов, это мы с тобой еще поговорим, а сейчас разложи мне все по полочкам. Кого, куда и зачем везти.

Толик даже взвизгнул от удовольствия и подпрыгнул на стуле, почувствовав доброжелательные нотки в голосе Щукина. Он налил еще водки.

– Значит, так, – заговорил Ляжечка, – объект – это девочка двадцати лет. Кто она такая? Дочь какого-то богатенького папика, кого именно, мне не говорят, но я так понял, что этот самый папик – жутко крутой тип, чуть ли не олигарх, ну или бандюк крутой. Не знаю, короче

– денег у этого типа до хрена. Вот дочку-то его и вытащили в большую жизнь. Папик хватился и, конечно, в ФСБ стукнет или в ментуру, или по братве пробивать начнет, хотя его предупреждали, чтобы он шухер не поднимал и ни к властям, ни к кому не обращался. А если дочку его за кордон вывезут, тогда ментам и «браткам» уже не достать ее. Вот тогда можно будет и о выкупе поговорить. Но это уже не наше с тобой дело. Наше дело – девчонку переправить в Швецию. А это просто. Сажаем ее в тачку... То есть ты сажаешь ее в тачку и везешь в Питер. Потом маленько пережидает там на конспиративной квартире – и на паром. Знаешь, такие... «Силья Лайн» вроде, фирма... Или как там она еще называется...

– SILYA LINE, – вспомнил Щукин.

– Ага, ага...

– Где девчонку сейчас держат?

– В этом городке и держат, – сказал Ляжечка, – только где точно, я не знаю.

– Так-так... И на кого ты мне предлагаешь работать, тоже не скажешь?

– Нет, к сожалению, этого я сказать не могу, – проговорил Ляжечка, всем своим видом показывая, как ему жаль, – потому что сам не знаю. Так ты согласен, да?

Щукин кивнул, глядя при этом в сторону.

– Отлично, – просиял Ляжечка, очевидно, восприняв этот кивок как знак согласия. – Значит, я жду тебя через час на двадцатом километре – это недалеко от Сосновой Рощи, знаешь, да?

– Знаю.

– Тачка будет – синяя «шестерка». Номера – три, шесть, два. Запомнил?

– Ага.

– По рукам? – произнес Ляжечка, протягивая Щукину пухлую ладонь.

Николай скосил глаза на руку Ляжечки и откровенно зевнул.

– Ладно, – закуривая, сказал Щукин, – в принципе и этих сведений мне более чем достаточно. Город этот, где девчонку спрятали, маленький...

– Ты чего? – забеспокоился Ляжечка.

– Да ничего, – пожал плечами Николай, – раздумал я в этом деле участие принимать. Не нравится мне это дело. А вот пойти и ментам наводочку кинуть – можно. Надо привыкать приносить пользу родной стране... Позвоню сейчас, через часок в этом городке не протолкнуться будет от вооруженных и агрессивно настроенных людей. Кстати, в этом вонючем заведении есть телефон?

Ляжечка открыл рот и часто-часто заморгал белесыми ресницами.

– Колян, – сдавленно заговорил он, – шутишь, да? На понт берешь?

– Мне, Толя, бабки нужны, – проговорил Николай. – У тебя сколько с собой есть?

Минуту Ляжечка сидел, неподвижно глядя в одну точку и пытаясь понять, потом, когда наконец понял, одеревеневшей рукой достал толстый бумажник и шлепнул его на стол.

– Благодарю, – вежливо произнес Щукин, пряча бумажник в карман. – Лопатник-то оставить? Он дорогой – кожаный вон, с отделениями...

– Ты же согласился? – сглотнув, прошептал Ляжечка.

– Ага, – сказал Щукин, – согласился. Чего ты так забеспокоился-то? Я ведь у тебя в долг взял. Богатым буду – отдам. Неужто и вправду поверил, что я ментам стукануть могу? Нельзя, Ляжечка, людей по себе мерить.

Ляжечка поднял на Щукина глаза, и надежда заблестела в них.

– Договор наш в силе? – спросил он. – Ты будешь на двадцатом километре через час?

– А как же?! – засмеялся Щукин, вставая из-за стола. – Жди меня, и я приду. А пока у меня дела... Покедова!

И он покинул кафе, оставив несчастного Толю Ляжечку в полном недоумении.

* * *

Щукин шел по направлению к трассе, ведущей за город. На его душе теперь было легко и спокойно – приличная сумма денег грела карман, а впереди была долгая дорога, на все время которой он был довольно сносно обеспечен.

Про Ляжечку он не думал вовсе. Хотя версия Толика о его отрыве от федералов и объявлении в розыск была достаточно правдоподобна, сюжет с похищением дочери какого-то крупного толстосума казался Щукину несколько сомнительным. Если дело и обстояло так, как рассказал ему Ляжечка (а судя по тому, как он испугался, когда Николай пообещал позвонить ментам, именно так оно и обстояло), то каша заваривалась серьезная, а, как известно, в процессе подобной варки обычно избавляются от мелких исполнителей, как только они становятся ненужными, – после выполнения миссии. Это гораздо дешевле, чем платить какие-то деньги. Так что быть компаньоном Ляжечки Щукину не очень-то хотелось. Он, конечно, не прочь был ввязаться в какую-нибудь рискованную авантюру, но только при условии, что он сам всем будет заправлять, лично. А работать черт знает на кого, да еще когда впереди полная неизвестность – нет, это Щукину не очень-то нравилось.

У него были деньги, был выбор и была свобода. И он шел вперед.

Выбравшись на трассу, Щукин присмотрелся к первой попавшейся машине, мчащейся в нужном ему направлении, и усмехнулся.

– Похоже, начинается для меня удачное время, – пробормотал он, – после полосы хронического невезения.

И снова усмехнулся.

Дело в том, что в красной «девятке», которая после сигнала Щукина немного сбросила скорость и свернула к обочине, водителем была женщина. Да еще какая! Высший класс девочка.

Смазливое личико, с изрядным, правда, слоем косметики, но достаточно свеженькое, умело и со вкусом уложенная прическа и фигурка – насколько можно было определить на расстоянии – более чем приятна на вид, а значит, и на ощупь... «Девятка» остановилась. Щукин открыл дверцу, заглянул в салон и удовлетворенно кивнул, получив возможность получше оценить фигуру девушки.

– Подбросишь, красавица? – осведомился Щукин, разглядывая обтянутые очень короткой юбкой бедра девушки.

– А куда красавец едет? – без малейшего смущения поинтересовалась та.

Своего дальнейшего маршрута Щукин не знал даже приблизительно, поэтому неопределенно махнул рукой туда, куда, по всей видимости, направлялась прекрасная автолюбительница.

– Я в Питер, – сообщила девушка.

– О! – обрадовался Щукин. – И я туда же.

– Садись, – разрешила девушка.

Щукин немедленно плюхнулся на переднее сиденье в непосредственной близости от красивых ног умопомрачительной длины. Хлопнул дверцей и тут же, не успев «девятка» тронуться с места, завел разговор.

Николай давно научился сложному искусству веселить случайного собеседника так, что к концу разговора знал об этом собеседнике все, тогда как тот, пытаясь потом вспомнить о Щукине хоть что-нибудь определенное, только морщил лоб и растерянно щелкал пальцами.

Взвинченные последними событиями нервы Щукина успокоились, и уже через полчаса девушка – ее звали Анна – называла Щукина по-простому Сергуня, а на вроде бы случайное прикосновение его рук к своим стройным ногам реагировала звонким смехом.

Машина катила вперед, а Шукин чувствовал себя все лучше и лучше. Анна легко трещала ему о своей нелегкой, но и нескучной жизни, а он кивал в ответ, изредка вставляя комментарии к ее рассказу, вызывающие у девушки приступ неуместного веселья.

Как Николай выяснил почти сразу же, Анна была... проституткой. Работала она в Питере, а домой, в какую-то глухую деревеньку, ездила навестить родителей, которые, конечно, считали Анну студенткой, удачно устроившейся на престижную, хорошо оплачиваемую работу. Правда (этот случай Анна рассказала Николаю спустя пятнадцать минут после знакомства), как-то ее отец приезжал к ней. Причем умудрился попасть в то самое время, когда Анна принимала клиента – как она выразилась, очень серьезного человека с большим тугим брюхом, с неизменным пистолетом в кобуре под мышкой и со странным именем Капитон.

– Никогда такого имени не слышал, – сказал на это Николай, хотя он лично знал Капитона – довольно известного в Санкт-Петербурге преступного авторитета.

– Ну вот, – продолжала свое повествование Анна, – зависаем мы с Капитошей, значит, и вдруг звонок в дверь. Он меня спрашивает – ты ждешь кого-нибудь? А я ему – н-нет, никого. А он «ствол» из кармана тянет. Я уж испугалась – Капитон-то сильно пьяный тогда был – начнет палить вдруг... Ну и иду в прихожую...

Шукин слушал, кивая головой.

* * *

– Кто там? – негромко спросила Анна, подходя к двери.

– Это я, – ответил ей знакомый голос.

Анна медленно отперла дверь.

– Батя?.. – назвала она его, как привыкла называть с самого раннего детства.

– Привет, доча, – поздоровался ее гость, переступая через порог и сваливая на пол в прихожей тяжелый грязный мешок. – Вот... картошечки привез тебе. Да как ты похорошела! Да как ты выросла! – сказал он, хотя за то время, пока они не виделись, Анна не прибавила в росте ни сантиметра. – Прямо красавица стала!.. Я думал, ты в университете, думал, тебя дома не застану.

– У нас сегодня день научной работы, – вывернулась Анна, – я дома занимаюсь... Все нормально! – крикнула Анна сидящему в комнате Капитону.

– А это кого... тут?.. – угрожающе вдруг возник в дверном проеме комнаты мутноглазый Капитон в одних широких семейных трусах. – Х-кто это? – косноязычно осведомился он у Анны, которая незаметно облегченно вздохнула, когда увидела, что свой пистолет Капитон все-таки спрятал.

Растерянно пощипывал реденькие усики на бледном веснушчатом лице совершенно не похожий на Анну щуплый и низкорослый ее отец.

– Это мой батя, – представила Анна, – Павел Павлович. А это, – она указала на Капитона, – мой жених...

Вполоборота повернувшись к Капитону, она подмигнула ему, как бы предлагая включиться в веселую игру. К великому счастью Анны, Капитон юмористически хрюкнул и протянул застывшему на пороге у приоткрытой входной двери Павлу Павловичу ладонь.

– Кап-питон Иванович.

– Па... Павел Павлович, – пискнул тот в ответ.

– Пошли, Палыч, – пригласил Капитон, – дерябнем за приезд...

И сам, пошатываясь, направился в комнату.

– Он вообще-то хороший, – начала нашептывать Анна отцу. – Он и не пьет почти, только иногда срывается... Ну, ты знаешь, как это бывает...

– Ага...

– А так мужик хоть куда. Богатый.

– Палыч! – завопил из комнаты Капитон. – Ну, ты где? Я уже разлил!

Павел Павлович вздрогнул и устремился на зов.

– Я сейчас закусочки приготовлю! – крикнула ему вслед Анна.

Она прошла на кухню и прислонилась горячим лбом к прохладной дверце холодильника.

«Что же это такое происходит? – вертелось у нее в голове. – Вот черт принес папашку...

Пока хорошо, что Капитон нажрался и мало что соображает. Кажется, все происходящее видится ему забавной игрой... А если что-нибудь... Ой, мама!»

Из комнаты раздавались заздравные тосты и громкое чмоканье.

«Отца быстро напоить нужно, – подумала Анна. – И назад домой отправить. Нечего ему тут делать. Вот Капитон ляпнет что-нибудь не то... Захочет похвастаться, как он меня тут два дня пластал, а батя вздумает свои отцовские права качать... И сам на кулак нарвется, и мне все дело своими глупостями испортит. И чего ему не сидится в своей деревне вонючей?.. Хорошо еще, что Капитон, пресытившись женским обществом, теперь должен нуждаться в собеседнике мужского пола. Пускай они про политику поговорят или о чем там еще... Черт, да что со мной! О чем могут бандит и колхозник разговаривать? Одна надежда, что отец быстро напьется, он у меня пьянеет скоро...»

Когда Анна, через полчаса примерно, внесла в комнату горячие закуски, Капитон и Павел Павлович, обнявшись, задумчиво тянули «По тундре, по железной дороге». На столике, рядом с бутылками дорогой водки, стояла пятилитровая бутылка деревенского самогона – молочно-белой жидкости с устрашающим сизым отливом.

Допев последние строчки, Капитон, очевидно, забыл, кто такой Павел Павлович и зачем он здесь появился. Капитон завел разговор, в котором называл Павла Павловича не иначе как «братан» и, обняв «братана» за плечи, горячо доказывал, что «местные барыги теперь оборзели, падлы... С наличкой хрен кто свяжется, не то что было пять лет назад... Нормально дело делать нельзя...». Павел Павлович слушал, кивая уже отяжелевшей головой, и все повторял начало фразы:

– А вот когда у нас колхоз был...

Под горячие закуски они выпили еще. Самогон разливали в появившиеся откуда-то граменные стаканы. У Капитона зазвонил мобильный телефон, он откинулся в кресле и стал орать в трубку непрожеванные слова:

– Ч-чего? Да они, козлы, охренели, мать их еб... Да их же валить надо. Да не колышет, понял? Не колышет! За базар отвечать надо! Все! Подгони туда «быков», валить будем. Я сейчас приеду...

Анна подсела к отцу.

– Серьезный мужик, – шепнул ей Павел Павлович на ухо. – Он что – на скотобойне работает?..

– Да!.. Да у меня «ствол»... Я никуда без него, что я – олень?.. – разорвался Капитон. – Давай высылай тачку... Кто – я? Это у меня запой? Да я тебе ухо оторву! У меня запой на прошлой неделе был, а сейчас я отдыхаю, понял?.. Короче... записывай адрес. Адрес!

Анна продиктовала ему адрес. Капитон принялся одеваться, натянул носок и упал, разбив торшер в углу комнаты. Анна налила отцу стакан самогона, который он механически выпил, обалдев, видимо, от уймы новых впечатлений, а сама кинулась помогать Капитону одеться и более или менее привести себя в порядок.

Через несколько минут в дверь позвонили. Открыв дверь, Анна вывела воинственно размахивающего руками Капитона в прихожую, где он был тут же подхвачен двумя крепкими молодыми людьми в черных кожаных куртках.

Когда опустошенная и смертельно уставшая Анна вернулась в комнату, то застала своего отца спящим в кресле, где пять минут назад сидел ее «жених» Капитон Иванович.

* * *

Щукин не успел еще высказать свое мнение по поводу рассказанного Анной, как вдруг заметил мигнувшие фары идущего навстречу автомобиля – так водители предупреждают своих коллег о том, что впереди поджидают спрятавшиеся в кустах гаишники.

– Скорость бы снизила, – посоветовал Щукин Анне, скосив глаза на спидометр.

– А что?

– Менты впереди, – становясь серьезным, проговорил Николай.

– Да? – удивилась Анна. – Странно – сколько езжу по этой дороге, никогда тут поста не было... – И снизила тем не менее скорость. – А как ты узнал? – спросила она.

Щукин не успел ответить – шагнувший из придорожных кустов гаишник махнул своим полосатым жезлом.

– Козлы, – процедила Анна сквозь зубы, – сейчас бабки требовать будут...

– Документы не в порядке? – поинтересовался Щукин.

– В порядке-то в порядке, – ответила Анна, – да мусора всегда найдут, к чему придраться. Раньше они женщин пропускали, только поулыбаться надо было, а сейчас, суки, никакого различия не делают среди водителей – мужиков или баб. Со всех одинаково деньги тянут. Правда, с баб иногда кое-что другое требуют...

Щукин ухмыльнулся и хотел было высказаться по этому поводу, но вдруг заметил что-то такое, отчего в животе его мгновенно похолодело, будто он проглотил большой скользкий кусок льда.

– Не останавливайся! – крикнул он Анне и протянул руку, чтобы выкрутить руль.

– Ты чего? – взвизгнула она. – С ума сошел? Они по колесам...

Щукин пихнул ее в плечо и, неудобно искривившись, надавил на педаль газа, одновременно выкручивая руль в сторону.

– Псих! – завизжала Анна. – Мамочки, что сейчас будет...

Сбоку мелькнула перекошенная физиономия мента, автомобиль, набирая скорость, мчался вперед, оставляя далеко позади две стоящие рядом друг с другом машины – патрульную ГИБДД и синий ментовский воронок, из которого уже выскакивали автоматчики.

– С-суки... – протянул бледный и решительный Щукин, оборачиваясь назад, – засаду устроили... Хорошо еще, что не успели «зубы» положить.

Анна глянула в зеркало заднего вида и выругалась.

– Не останавливайся, – скомандовал Щукин, снова оглядываясь, – ни в коем случае не останавливайся. А теперь пригнись!

Простучавшая автоматная очередь заставила и его инстинктивно наклонить голову.

– Промазали, – удовлетворенно констатировал Николай спустя несколько секунд, – теперь больше стрелять не будут – время упустили. Да... Машину заводят...

Он усмехнулся, хотя ему было вовсе не весело.

– Не заводится тачка-то, – проговорил он, опять повернувшись назад, – как всегда, у наших ментов самая лучшая в мире техника... А ты, Анюточка, прибавь-ка лучше скорость.

– Пошел ты! – выкрикнула Анна. – Козел! Кто ты такой вообще? Это на тебя засада была?

– Конечно, нет, – ответил Щукин, внимательно наблюдая в зеркало заднего вида за суетящимися вокруг синего воронка фигурками, – это ловят известного шпиона-рецидивиста Карла Францевича Суходрищенко...

– Суходрищенко... – едва сдерживая слезы, проговорила Анна. – Что теперь будет? Ведь они номера мои засекли... И зачем я тебя посадила к себе? Вылезай немедленно! – крикнула она.

Щукин усмехнулся.

– Вылезай, я сказала!!!

Он положил ей руку на колено и крепко сжал – так крепко, что она вскрикнула.

– Помолчи, – негромко выговорил Николай, – и не кипешишь. Воронок, похоже, совсем накрылся, и гибэдэдэшная тачка патрульная за нами уже идет – так что лучше увеличь скорость, как я тебе сказал. Когда оторвемся, я выпрыгну... И через лесопосадки уйду.

Анна посмотрела на его сильные руки и послушно увеличила скорость.

– Молодец, – похвалил Николай и закурил сигарету. – Так, что там дальше было?... С Капитоном твоим?

– Пошел ты... – прошипела Анна.

– Зачем так? – ухмыльнулся Николай.

– А как?! – снова взвизгнула она. – Ты-то, может быть, и свалишь, а мне что делать? Меня вообще из-за тебя посадить могут.

Николай пожал плечами. Честно говоря, его ни в коей мере не волновала дальнейшая судьба Анны.

– Не посадят, – тем не менее успокоил он ее, – скажешь, что я угрожал тебе... пистолетом. И что обещал пристрелить, если ты остановишься... Ты ведь заложница в таком случае получаешься – чего тебе волноваться?.

– Заложница, – всхлипнула Анна. – А если они... документы, проверки... то-се...

– А-а! – догадался Щукин. – У девушки проблемы с законом! И серьезные?

– У девушек моей профессии часто случаются проблемы с законом, – сквозь зубы сообщила Анна. – Сзади не видно ничего... Выпрыгивай!

– На ходу, что ли? – удивился Николай. – Я же не такой крутой, как шпион-рецидивист Суходрищенко Карл Францевич...

Он хотел добавить еще что-то, но тут до его слуха донесся истошный вой милицейской сирены. Щукин обернулся назад, но ничего не увидел.

Вой сирены приближался.

– Догоняют, гады, – пробормотал он. – Скоро следующий пост будет?

– Скоро, – быстро ответила Анна, – очень скоро.

«Врет, – подумал Щукин, – чтобы от меня побыстрее избавиться... Или не врет? Во всяком случае рисковать не стоит. Тем более что впереди может быть еще одна засада...»

Он посмотрел вперед, выбрал место, где лесопосадки были погуще, и приказал Анне:

– Притормози там.

Она притормозила так резко, что машину занесло. Щукин выпрыгнул на асфальт, скатился с дорожной насыпи и, как это называют спортсмены, взял низкий старт.

И побежал к высающимся неподалеку деревьям с той скоростью, на какую только был способен.

На красную «девятку» он оглянулся один раз. Анна не собиралась продолжать бегство. Она вышла из машины и прикуривала. Зажигалка прыгала в ее трясущихся руках.

«Вот дрянь, – задыхаясь от быстрого бега, подумал Николай, – сука... Решила, падла, не усугублять положение. Через минуту или даже меньше мусора будут здесь. А она ведь могла бы их еще вперед за собой проташить, если бы не остановилась... А теперь им поймать меня проще простого... Впрочем...»

Впрочем, сдаваться Щукин был не намерен. С размаху он влетел в тень деревьев и побежал дальше, петляя меж морщинистых стволов.

Очень скоро впереди мелькнул прогал, а через полминуты Щукин выбежал на широкую тропинку, отделяющую лесопосадки от густой сосновой рощи.

Позади слышался шум погони – даже бабахнул один раз предупреждающий выстрел. Щукин выругался, втянул голову в плечи и, в два прыжка миновав тропинку, углубился в сосновую рощу.

Глава 6

После глобальных посиделок люди Семена разъехались по конспиративным квартирам, приготовленным для них человеком, которому Седой поручил контролировать часть операции, проходящую в Питере. На встречу с этим человеком – его звали Капитоном – поехал Семен.

Семен решил, что ему будет безопаснее передвигаться по Питеру в одиночку. Сам за себя он постоять в случае чего сможет, а вот привлекать внимание милиции к вооруженной группе на автомобиле, марка которого уже засветилась при подъезде к городу, – это, конечно, не совсем хорошо. Тем более что Семен неплохо знал Питер, и криминальную среду в этом городе знал неплохо.

С Капитоном Семен тоже был знаком, и Капитон Семену не нравился.

«Толстый пьяница, – думал Семен, пешком направляясь к станции метро, – неопрятный ублюдок. Общаться с ним неприятно, но никакое мало-мальски важное дело в Питере без него не обходится. К тому же Седой ему доверяет. А доверяет потому, что знает – Капитон его побаивается. По старой памяти: когда-то Седой вытащил этого Капитона из какого-то дерьма, в которое тот вляпался, несмотря на свою врожденную хитрость и животное чутье опасности, а вытащив, напомнил, что никогда не поздно Капитона в это дерьмо вернуть... Н-да, с такими людьми так и нужно. Седой понимает: можно доверять – да и то с обязательной опаской – только тем, кого знаешь давно и хорошо; или тем, кто тебя боится. Вот тогда и выйдет дело. Ладно... Седому, конечно, виднее, только мне кажется, что можно было бы и без Капитона обойтись. А то он растреплет кому-нибудь, а тогда – все. Прямо настучать кому надо побоится, но по пьянке или по глупости вполне может. А если кто-нибудь узнает, что у Седого есть дочь, которую он любит пуще своей жизни, тогда пиши пропало. Авторитет Седого будет подорван, а он ведь немолод, и на его место молодых и притких не один десяток найдется... Шутка сказать – у железного и несокрушимого старого вора вдруг объявится уязвимое место...»

Тряхнув головой, Семен попытался отогнать от себя тоскливые мысли. Он закурил и, не обращая внимания на протестующие вопли контролера, сунул жетончик в прорезь вертушки и направился к эскалатору. Потом все же опомнился и потушил сигарету, швырнув ее под ноги. Незачем привлекать к себе внимание. Если прихватят Семена, да если дело до отделения дойдет – с последующей проверкой по компьютеру... Кто знает, какие всплывут старые грешки.

К тому же – убийство двух гаишников день назад...

Телевизор, гомонивший в баре, уже показывал место преступления и два кровавых пятна на тех участках асфальта, где лежали тела милиционеров. Пацаны тогда притихли и вскоре после этого экстренного телевизионного сообщения свернули разговарившуюся было попойку и свалили из бара.

Семен доехал до нужной ему остановки, пересел в следующий поезд и через десять минут уже поднимался по эскалатору. Ему оставалось пройти всего пару кварталов, чтобы достичь дома, где ему была назначена встреча.

* * *

Капитон встретил Семена по обыкновению полупьяным.

– А-а! – захрипел он. – Сеня! Входи, входи... Давно не виделись.

– Давно, – подтвердил Семен, проходя в комнату и садясь за стол, уставленный бутылками и тарелками с различными закусками. – С тех пор, как я тебя – бухого в жопу – из-под ментовской облавы выносил. Помнишь? Ты тогда чуть дело не сорвал: нажрался до невменяемости и начал орать, что сейчас всех перестреляешь, когда мы в баре клиента взяли...

Капитон осекся и кивком отправил парня, впустившего Семена в квартиру, восвояси. Парень вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Капитон какое-то время искоса смотрел на Семена, словно соображая – обидеться ему или нет, и, видимо, решив, что обижаться ему невыгодно, натянуто засмеялся.

– Выпьешь? – предложил он, широким жестом обводя бутылки.

– Ага, – согласился Семен.

– Вискарика?

– Водки. Ну как? – спросил Семен, пока Капитон разливал водку по крохотным хрустальным стопочкам. – По нашему делу известно что-нибудь?

Капитон качнул головой и зажатой в правой руке стопкой. Семен поднял свою стопку, и они выпили.

– Ничего не известно, – закусив, проговорил Капитон, – то есть известно, что объект в город пока не прибыл.

Семен нахмурился.

«Странно, – подумал он, – как это – не прибыл? Мы с ребятами выехали позже похитителей и уже в Питере. Может быть, они так удачно скрываются, что Капитон со всеми своими связями и знакомствами не смог вычислить их?»

– Информация совершенно точная, – словно услышав сомнения Семена, сказал Капитон, – у меня ведь в ГИБДД свой человек есть. Да и еще кое-где. Везде у меня свои люди есть, – подытожил Капитон.

Он налил еще водки, задумался о чем-то, потом пристально посмотрел на Семена и, подмигнув ему, спросил шепотом:

– А двух мусоров-то твои ребята порешили?

– Да, – вздрогнув от неожиданности, ответил Семен.

– Я так и думал, – хихикнул Капитон, – а кто же еще? В городе шум поднялся, но это нам и на руку.

– Почему? – спросил Семен.

– Каждую тачку, въезжающую в город, проверяют теперь, – объяснил Капитон. – Вы-то как умудрились прошмыгнуть? Я, честно говоря, думал, что...

Он не договорил.

– Ориентировки есть на нас какие-нибудь? – хмуро поинтересовался Семен.

– Да какие ориентировки? – захохотал Капитон. – Вы же свидетелей не оставили. Известно только, что машин было несколько, скорее всего – три. И марка машин установлена тоже приблизительно – джип, скорее всего, американского производства.

Семен покивал.

– Ладно, – проговорил он, – с этим проехали. Теперь следующее – то, что Седой тебе наказывал, ты в точности выполнил?

– А как же, – значительно выговорил Капитон, – сообщил кому надо, те связались с ментами и объявили эту... как ее...

– Лилю, – подсказал Семен.

– Ага, Лилю – в розыск. Типа – мошенница. У всех гаишников ориентировки ее есть. Так что как только она появится в городе, ее тут же арестуют. А как арестуют, мне немедленно дадут знать. А дальше – дело техники. Я звоню посреднику, посредник связывается с ментами, которых мы прикармливаем, менты берут тачану свою, включают мигалки... у-у-у-у-у... – Капитон покрутил над головой пухлой ладонью, имитируя световую сигнализацию милицейской сирены, – и едут забирать эту... Лилю. А потом они отвозят ее – не в обезьянник, конечно, а ко мне. Ну а я уже вам звоню... И все дела.

– А если не успеют твои менты? – осведомился Семен.

– Какая разница? – пожал жирными плечами Капитон. – Она же объявлена в розыск районным отделением, а начальник районного отделения, полковник, вот за этим столом со мной водку жрал. Так что проколов тут быть не может. Все схвачено. Седой правильно сделал, что ко мне обратился. Я же весь Питер вот здесь держу! – Капитон сжал толстые пальцы в кулак.

Семен усмехнулся. Капитон неприязненно посмотрел на него и снова пожал плечами.

– Ну, конечно, есть люди и поважнее меня, – сказал он, – но без меня вряд ли какое дело обходится. Я ведь как этот... как коммутатор. Знаю, к какому человеку обратиться, знаю, к какому обращаться не нужно, а наоборот – избегать его, как огня... Короче говоря... без ложной скромности – незаменимый я человек!

– Согласен, – сказал Семен, – с этим согласен. Это – так...

«К сожалению», – мысленно добавил он.

– Выпьем? – снова предложил приободрившийся Капитон.

– Выпьем, – Семен согласился и с этим.

– Так что, – выпив и прожевав кусочек колбасы, заговорил снова Капитон, – вы не очень-то переживайте! Гуляйте, город смотрите... Девочек хотите – позвоните мне. А когда надо будет – я вам дам знать. Заберете свою Лилию и обратно домой. Седому привет от меня передадите. Он ведь мой старый друг. Хороший друг. Один из самых лучших друзей, – повторил Капитон, и масляные глазки его заблестели. – А то, что я ему услугу оказал, так это мы потом сочтемся...

– Сочтется, – подтвердил Семен, – с Седым и говорить будешь. Мое дело – девчонку доставить обратно, а все остальное – оплата там или еще что – меня не касается...

– Понятно, – с дурашливой серьезностью проговорил Капитон, – узнаю старого солдата! Ну, с Седым мы потом, конечно, разберемся... Все? – помедлив, осведомился он. – На этом официальная часть встречи закончена?

– Закончена, – подтвердил Семен и пошевелился, чтобы подняться.

– Сиди-сиди! – тут же вскочил Капитон. – Чего мы – америкосы, что ли? У нас что, нет других тем для разговоров, кроме деловых? Ну, ты, Сеня, в натуре, удивляешь меня!

«О чем нам с тобой разговаривать, с уродом», – подумал Семен, а вслух произнес:

– Спешу очень. Надо проверить, как ребята устроились...

– Нормально они устроились, – махнул рукой Капитон и тяжело шлепнулся на свой стул, – я сам за всем следил – лично. А с тобой хотел еще кое о чем потолковать.

– О чем это? – насторожился Семен.

Капитон закурил и налил Семену водки. Подумал немного и плеснул себе в большой стакан с тонкими стеночками дорогого янтарного коньяка.

– Вот ты, Сеня, Седого хорошо знаешь, да? – заговорил Капитон.

– Ну.

– И я с ним знаком нормально, – продолжал Капитон, – вместе дела делали до тех пор, пока я в Питере не осел. Давай, что ли... Маханем по маленькой за здоровье нашего общего друга...

Они выпили. Семен потянулся за куском селедки, а Капитон закусывать не стал. Он облокотился на стол и, подперев тяжелую голову рукой и лениво пуская в пространство кольца синего табачного дыма, проговорил:

– Странно мне, что Седой так о бабе печется... У него ведь этих мокрощелок было видимо-невидимо. Как мандавошек у негра на мудях. А чего он так к этой Лиле присох, а? Может быть, – Капитон захихикал, – Седой под старость семью хочет заиметь, а?

Семен прожевывал кусок селедки, а при слове «семья» вдруг вздрогнул.

– Нет, – сказал он, вспоминая инструкции Седого, – не о том ты базаришь. Тут, понимаешь, дело обстоит немного не так, как все думают...

– А как? – с жадным блеском в глазах спросил Капитон.

Семен ухмыльнулся.

– Не скажешь? – полувопросительно проговорил Капитон и вздохнул. – Оно понятно. Ты у Седого правая рука и трепаться о его делах не станешь. Но мне-то можно сказать. Я-то тебе все условия предоставил. Сам дело взялся обтяпать, а вы только пару деньков в Северной столице отдохнете и назад. А от Седого потом еще получите... гонорарии – за успешное завершение дела... Я кручусь, кручусь, все за вас устраиваю... И я ничего знать не должен?

Семен помедлил с ответом.

– Не моя ведь тайна, – с явной неохотой произнес он, – и если Седой узнает, он мне голову снимет.

– Не узнает, – быстро сказал Капитон, – блядью буду, если кому хоть слово ляпну! Век воли не видать! Сеня, ты же меня сто лет знаешь – я как могила. Мне сказал – можешь эти слова похоронить. Вот последняя распадла буду, если что...

Семен поколебался еще с минуту.

«Как же, – подумал он, мысленно усмехаясь, – ты никому ничего не скажешь. Седой так и рассчитал, что я тебе типа тайну выдам... А ты потом под большим секретом и, естественно, не задаром всем желающим мои слова передашь в точности. Источник информации, твою мать... Ведь тем и живешь, что все обо всех вынюхиваешь да встречи нужные устраиваешь...»

– Налей-ка, – дав своему голосу охрипнуть, попросил Семен Капитона.

Тот даже привстал от усердия, разливая по стопкам водку.

– Скажу тебе, – пообещал Семен, – но только потому, что давно тебя знаю, и потому, что ты много сделал для меня и для Седого.

– Ага-ага...

– Ну и, конечно... – Семен выразительно пошелестел в воздухе пальцами.

– Без вопросов, – тут же проговорил Капитон, – сколько хочешь...

– Ну... – Семен назвал цифру, произвольно всплывшую в его голове.

Капитон, ожидавший услышать цифру поменьше, едва заметно скривился. Но потом, очевидно, прикинув размеры гонорара, обещанного ему Седым, да и выгоду, которую он может извлечь из полученных им от Семена сведений, вздохнул и согласно кивнул:

– Идет.

Семен продолжал, злорадно поглядев на брыластое вспотевшее красное лицо:

– Немного прошу, – сказал он, – так, пацанам на пиво... На девочек, чтобы не скучали, пока ждать будут... Только давай выпьем сначала.

И опрокинул стопку себе в рот.

– Короче, так, – сказал Семен, шумно выдохнув и поглядев в лицо Капитону, – баба эта крупно прокинула Седого. На такую сумму, которая тебе и не снилась. Так что ее вовсе не похитили, как все говорят, а она сама сдернула со своими дружками. А где бабки заныкала, никто не знает. Вот потому-то Седой и раскинул чернуху – вроде любовь у него и все такое, чтобы бабу никто даже пальцем не тронул. А на самом деле, как только ее Седому обратно привезут, он ее в подвал и... Короче, ты знаешь, как наши ребята умеют языки развязывать. Ну а потом, когда она скажет, где бабки – а скажет она наверняка, – моментом море...

– Понял! – заржал Капитон. – Моментально – в море!

– Ага, – кивнул Семен. – Только тут сложность есть небольшая...

– Какая сложность?

– Помнишь, о чем тебя Седой предупреждал, когда говорил про это дело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.